

РОКФЕЛЛЕРЫ

Екатерина
Глаголева

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Екатерина Глаголева

Рокфеллеры

«ВЕБКНИГА»

2019

Глаголева Е. В.

Рокфеллеры / Е. В. Глаголева — «ВЕБКНИГА», 2019 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04715-0

Почти двухвековая история семьи Рокфеллер, давшей миру промышленников, банкиров, политиков, меценатов и филантропов, первого миллиардера и одного из американских вице-президентов, тесно переплетается с историей США от Гражданской войны до наших дней. Их называли кровососами, а созданную ими крупнейшую в мире нефтяную компанию – спрутом, душившим Америку; считали кукловодами, управляющими правительством, – и восхищались их умением поставить на промышленную основу всё, даже благотворительность. Рокфеллеры коллекционировали предметы искусства, строили особняки – и вкладывали деньги в образование и здравоохранение. Благодаря им существуют Рокфеллеровский университет, Музей современного искусства и Линкольн-центр. На их деньги осуществлялись самые разные проекты в Китае, Греции, Мексике, Франции, Израиле; с ними имели дело лидеры СССР и России от Хрущёва до Ельцина. Что из этого правда, а что домыслы? Ответ даёт книга Екатерины Глаголевой о всемирно известном клане, в пяти поколениях сохранившем свои семейные ценности, принципы воспитания и кредо – делать то, чего ещё не делал никто.

ISBN 978-5-235-04715-0

© Глаголева Е. В., 2019

© ВЕБКНИГА, 2019

Содержание

Глава первая	6
Превратности любви	6
Как заработать себе работу	18
Война и бизнес	22
Великий Флаглер	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Екатерина Колодочкина

Рокфеллеры

Зарабатывайте деньги: получайте их честно и затем отдавайте с умом.

Слова баптистского проповедника, записанные Джоном Д. Рокфеллером в записную книжку

© Глаголева Е. В., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2019

Глава первая

Джон Д. и его братья

Я считаю, что способность делать деньги – Божий дар, точно так же, как задатки к искусству, музыке, литературе, талант врача, сиделки или ваши дарования, и его следует развивать и использовать, как только возможно, для блага человечества. Будучи наделён даром, которым я обладаю, я считаю, что мой долг – делать деньги и ещё больше денег и использовать деньги, которые я делаю, для блага моего ближнего, как повелевает мне совесть.

Джон Д. Рокфеллер

Преувратности любви

Волы идут медленно, склонив головы к пыльной дороге и роняя на неё тягучую слюну. Младшие дети трясутся в повозке под полотняным тентом, тяжело нагруженной домашним скарбом, а взрослые идут пешком, по очереди подсаживаясь в фургон, когда совсем устанут. Часто лес подступает к дороге настолько близко, что деревья сплетают над ней свои ветви, образуя тёмно-зелёный свод, а повозка, скрипя осями, переползает через толстые корни, похожие на искривлённые артритом пальцы. Говорят, здесь водятся олени, пумы и медведи. Днём, во время остановок, мужчины уходят на охоту и возвращаются с подстреленным зайцем или дикой индейкой. По ночам кто-то постоянно должен поддерживать костёр: пару раз волчий вой раздавался слишком уж близко.

Через две недели вышли к посёлку. Ричфорд, бывшая почтовая станция на дороге из Олбани в Катскилл, с 1821 года именовался городом, обзавёлся своей площадью, на которой стояли единственная церковь и школа, и даже промышленностью: лесопилкой, мельницей и винокуренным заводом. Теперь оставалось пройти три с половиной мили, взбираясь на почти отвесный холм. Волы выбивались из сил, оскальзываясь на разбитой каменистой дороге, и только вздрагивали под ударами кнута. Потеряв терпение, Годфри Рокфеллер выбрался из фургона и пошёл пешком. Тяжело дыша, в мокрой от пота рубашке, он стоял на вершине холма и оглядывал свои новые владения: 60 акров¹ неводеланной земли. Яркая зелень травы, сквозь которую проглядывали капельки диких цветов и ягод, переходила в тёмную бронзу сосен, дубов и клёнов. «Видно, ближе к Мичигану нам не подобраться», – вздохнул глава семьи и нарёк холм Мичиганским.

На холме стоял маленький одноэтажный дом из распиленных вручную брёвен и досок: 22 фута² в длину и 16 футов в ширину. Люси нахмурилась: как здесь всем разместиться? Прежнее жилище было гораздо просторнее, её муженька опять провели. Но делать нечего, надо как-то устроиваться.

Зачем она вышла замуж за Годфри? Сейчас уже трудно вспомнить; наверное, по любви. Нелюбимому мужчине она вряд ли родила бы десятерых детей. Когда они поженились в 1806 году в Грейт-Баррингтоне, штат Массачусетс, вся её семья была против. Рокфеллеры – неровня Эвери. Взять хотя бы их родословную. Они из немцев; около 1723 года мельник Иоганн Петер Рокфеллер³ приехал с женой и пятью детьми в Филадельфию, сделался фер-

¹ Акр – единица площади в ряде стран, использующих английскую систему мер; равен 0,405 гектара.

² Фут – единица длины в английской системе мер; равен 0,3048 метра.

³ Впоследствии внук Годфри, Джон Д. Рокфеллер, поставит надгробный памятник на могиле Иоганна Петера во Флеминг-

мером в Сомервилле (Нью-Джерси), а десять лет спустя его кузен Дилл явился в Джермантаун. Внук Иоганна Уильям женился на внучке Дилла Кристине, и у них родился Годфри. Вот и вся история. А предки Люси Эвери приехали из Девона в Салем (Массачусетс) вслед за отцами-пилигримами, около 1630 года; из этого рода вышли проповедники и солдаты, городские магистраты и купцы, первопроходцы и отважные воины, сражавшиеся с индейцами. Если спуститься по их генеалогическому древу к самым корням, то там окажутся английский король Эдмунд Железнобокий, правивший в 1016 году целых шесть месяцев, герцог Йоркский и Мэри Болейн (сестра королевы Анны, супруги Генриха VIII), но это совершенно не важно, потому что 11 членов семьи Эвери пали смертью храбрых в сражении с британцами на Гротонских высотах 6 сентября 1781 года, приблизив обретение Независимости. Да бог с ней, с родословной; вы только взгляните на них: разве они пара? Годфри – низенький, придурковатый на вид, весёлый и разбитной, но ленивый и любит приложиться к бутылке. Люси – высокая, крепкая, уверенная в себе, к тому же образованная: до замужества была школьной учительницей... И вот они уже почти три десятка лет вместе, и Люси переезжает с Годфри из одного штата в другой после краха его очередного предприятия, таская за собой детей.

Упрёками делу не поможешь. Люси собственноручно сложила каменную ограду вокруг фермы, выкорчевала пни, а однажды ночью поймала в амбаре вора. Правда, тому удалось убежать, но Люси вырвала кусок ткани из его рукава. По этому клочку она опознала злоумышленника и разобралась с ним сама, без помощи шерифа.

Где-то через год после приезда новых соседей в Ричфорде появился высокий франтоватый детина с рыжей бородой на загорелом лобастом лице и с табличкой на груди: «Я глухонемой». На этой же табличке он нацарапал вопрос, с которым обращался к прохожим: «Где дом Годфри Рокфеллера?» Впрочем, парня быстро раскусили: никакой он не глухонемой. Вновь обретя дар речи, он назвался «Рокафеллоу», но и это не помогло. Вскоре уже все знали, что это третий сын Годфри и Люси, Уильям, родившийся в 1810 году, когда они ещё жили в Грейнджере, штат Нью-Йорк. Фермером он не стал, мерил дороги, торгуя всякими дешёвыми безделушками, притворяясь глухонемым и выведывая чужие секреты – а вдруг пригодятся. Понятно, что при такой жизни ему не раз приходилось уносить ноги от желающих с ним поквитаться, вот они и привели его обратно к родителям. В полумиле от отцовского дома, на безлесном склоне, Билл выстроил свой – из плотно подогнанных досок с местной лесопилки, похожий на два составленных вместе вагона. В доме были две спальни (каждая размером 8 × 10 футов) и гостиная, а наверху чердак, где тоже можно спать, и антресоли. Пристройка служила амбаром и дровяным сараем, над крыльцом приладили небольшой навес. Земельный участок занимал 50 акров; рядом с домом рос яблоневый сад, а у подножия холма тек ручей, где водилась форель. Такому дому нужна хозяйка.

Нэнси Браун из Харфорд-Миллз была поразительно красива. Билл сразу влюбился в неё. Она жила у него как экономка, но все ожидали, что она скоро станет его женой. Вот только Нэнси была бесприданница, а во время своих прежних скитаний Билл как-то забрёл за 30 миль к северо-западу от Ричфорда, неподалёку от Моравии, и увидел там девушку – стройную, рыженькую, с голубыми глазами, явно ирландских кровей. «Если бы он не был глухонемым, я бы вышла за него замуж», – сказала она подружке. Такая простодушная! Билл навёл справки: её отец Джон Дэвисон считался богачом, ему принадлежали 150 акров земли в округе Каюга, он даже давал деньги в долг! Глухонемой неожиданно излечился. Влюбить в себя Элизу Дэвисон не составило труда. Её мать скончалась, когда девочке было 12 лет (проглотила пилюлю, которую ей продал бродячий знахарь, и упала замертво), а присматривавшая за Элизой старшая сестра Мэри Энн не пользовалась родительским авторитетом. Впрочем, даже строгий отец, решительно воспротивившийся неравному браку, не смог отговорить дочь от необдуманного

шага: 18 февраля 1837 года она вышла замуж за Билла в доме одной из своих подруг. Ему было 27 лет, ей – 24.

Все её иллюзии разбились о порог нового дома, на котором новобрачных встретила экономка. В 1838 году Элиза родила первенца – дочь Люси, а несколько месяцев спустя Нэнси разрешилась от бремени дочерью Клориндой. 8 июля 1839-го Элиза произвела на свет сына и назвала его Джоном Дэвисоном в честь своего отца (о, если бы она тогда его послушала!), а Нэнси через несколько месяцев родила ещё одну дочь, Корнелию. Братья Элизы явились в Ричфорд потолковать с Биллом «по-мужски». Но брак втроём так бы и продолжался (Элиза по-прежнему любила мужа и жалела бедную Нэнси), если бы у красавицы-экономки не испортился характер. После очередной ссоры с любовницей Большой Билл (так Рокфеллера прозвали за высокий рост) велел ей забирать детей и отправляться к родителям. Правда, ночью он тайно прокрался к её дому и положил на крыльцо тюк с одеждой. Возможно, он и загубил Нэнси лучшие годы, однако жизнь не поломал: довольно скоро она вышла замуж за некоего Берлингейма, родила ему других детей, а старшим дочерям дала приличное воспитание. Правда, Клоринда умерла молодой, зато Корнелия выросла, стала школьной учительницей, а потом вышла замуж за местного уроженца по фамилии Секстон. Она была высокой, смышлённой, внешне – просто портрет отца...

А Большой Билл, который после женитьбы пробовал остепениться (завёл небольшую лесопилку на Мичиганском холме, торговал солью, пушниной, лошадьми, стройматериалами), принялся за старое: уходил из дома под покровом ночи и возвращался тоже тайком, несколько недель, а то и месяцев спустя: бросал камешки в окно, предупреджая жену о своём приходе. Чем он занимался? Он был метким стрелком, участвовал в состязаниях и получал призы. А ещё торговал галантереей и всякой мелочовкой, умудряясь впаривать покупателям дешёвку с большой наценкой. Впрочем, главным его товаром были разные снадобья. Его мать Люси умела лечить травами от всех болезней; в садике рядом с её домом рос «лечебный куст», настой из листьев и корней которого Большой Билл продавал под видом эликсиров, а тёмно-красные ягодки, похожие на пилюли, шли как лекарство «от живота». Чтобы его не принимали за шарлатана, Билл всегда строго спрашивал у каждой покупательницы, фермерской жены, не находится ли она в «интересном положении», поскольку эти «пилюли» способны вызвать выкидыш. Бывало, что он торговал и патентованными лекарствами, приобретёнными у аптекарей, но «народная медицина» пользовалась бóльшим спросом.

Перед тем как в очередной раз скрыться из дома, Билл договаривался о кредите в местной лавке. «Отпускайте моей семье любой товар, какой понадобится, а я всё оплачу, когда вернусь», – говорил он лавочнику Чонси Ричу, отец которого, Эзикиел, основал Ричфорд. Но когда он вернётся? Элиза всегда боялась, что ей откажутся давать товары в долг, если она будет брать слишком много, а потому старалась обойтись самым необходимым, жила с детьми впроголодь и ходила в латаной одежде. А потом вдруг являлся Билл – на новых лошадях, в отличном костюме и с толстой пачкой банкнот. Первым делом шёл в лавку и расплачивался с Ричем, а потом дарил жене и детям подарки, созывал гостей, шутил, смеялся (но не пил, в отличие от отца и братьев). Разве можно было не любить такого мужа? Как-то вечером, в очередной раз оставшись одна, Элиза мечтательно смотрела на полную луну. «Может быть, Уильям, который сейчас во многих милях отсюда, тоже смотрит на неё? – со вздохом сказала она кухне. – Я так на это надеюсь!»

Но пока Билла не было, ей одной приходилось вести большое хозяйство и заниматься фермой. Однажды отсутствие мужа настолько затянулось, что счёт у Чонси Рича перевалил за тысячу долларов. И тут молва принесла весть: Билла арестовали. Его необычная жизнь породила столько слухов, что местные обитатели прозвали его Дьявол Билл. Откуда он берёт столько денег? Говорили, что он шулер, конокрад, разбойник. У Элизы сердце захолонуло. Но не прошло и дня, как Билл явился в новой повозке, правя великолепной парой лошадей, сверкая

бриллиантовой булавкой в галстук, и оплатил счёт в лавке крупными купюрами. А вечером угощал родню и гостей красочными рассказами о своих приключениях на Западе и сражениях с индейцами. «Вот трепло», – думали соседи, качая головами, но вслух ничего не говорили: им было жалко Элизу, которая бьётся как рыба об лёд и при этом ведёт себя достойно, не позволяя себе ни слова упрёка.

Да, она любила мужа. 31 мая 1841 года у них родился сын, которого назвали в честь отца Уильямом. Но Элиза всё чаще задумывалась, что станет с её детьми в окружении таких родственников. После ухода Нэнси Билл нанял в помощь жене новую служанку – Эллу Брасси, но его младший брат Майлз Эвери Рокфеллер сбежал с ней, бросив жену, в Южную Дакоту. Там он под фамилией Эвери женился на Элле. Другой брат, Джейкоб, хранил верность своей второй половине (эта добрая женщина часто присматривала за маленькими Люси и Джонни, штопала им одежду и вязала варежки из домашней шерсти), но тоже не был примером для подражания: сквернослов и пьяница. Однажды он выиграл пять долларов: побился об заклад, что не будет пить... на всём пути от своего дома до города! Свекровь, конечно, была уважаемая женщина, но вечно пьяный свёкор... Да и сам этот паршивый городишко с одной-единственной церковью, и заболоченная земля, на которой ничего не растёт... Нет, нужно отсюда уезжать! В 1843 году Билл купил за тысячу долларов участок земли в 92 акра, полого спускавшийся к Оваско – самому живописному из озёр Фингер. Но самое главное – они будут жить в Моравии, всего в трёх милях от фермы Джона Дэвисона. Возможно, он простит заблудшую дочь, когда увидит внуков...

«Я ясно помню ручей, который тёк неподалёку от дома, и как я должен был быть осторожен и держаться подальше от него. Смутно припоминаю мою мать в Ричфорде и мою бабушку, которая жила в полумиле выше по холму», – поделится Джон Д. Рокфеллер воспоминаниями детства 70 лет спустя. Родной дом он покинул без сожалений: «Я с содроганием думаю о том, что бы со мной стало, если бы я провёл в Ричфорде всю жизнь».

Моравия тоже совсем недавно получила статус города, но здесь вдоль тенистых улиц стояли каркасные дома с широкими верандами, имелись гостиница, универсальный магазин, хлопкопрядильная фабрика и конгрегационалистская церковь. Рокфеллеры поселились в северном сельском пригороде. Билл надстроил дом, стоявший на участке, и теперь в нём было восемь комнат, откуда, особенно со второго этажа, открывались чудесные виды: ярко-голубое озеро на фоне лесистых холмов дальнего берега в раме из высоких сосен. Через дорогу – сарай и амбар, за домом – коптильня. В 1843 году Элиза родила вторую дочь, назвав её Мэри Энн. Правда, почти на всём протяжении беременности Билла опять не было дома.

Местные жители не могли взять в толк, что он за человек. С одной стороны – солидный зажиточный мужчина, а с другой – летун, перекасти-поле. Он организовал лесоповал (на вполне законных основаниях): до зари, вооружившись фонарями, выходил со своей бригадой рубить стройные корабельные сосны, которые потом сволакивали к озеру и сплавляли в Обёрн. Рабочим Билл платил хорошо и быстро, однако нанимал их ненадолго, мог рассчитать, а через несколько дней взять снова – и думал, что поступает умно: никто не будет лениться, зная, что в следующий раз работу ему могут не предложить. Билл помог найти место для городской школы: проехал на своих дрожках через весь город, подсчитывая число оборотов колеса, а потом указал, где будет ровно середина. Он же уговорил местных налогоплательщиков скинуться на школу, когда многие ещё считали по старинке, что детей следует обучать дома. Рокфеллер запустил в озеро Оваско мальков щуки и даже возглавил местное общество трезвости. «Вот такой он был человек: пока соседи только начинали что-то обсуждать, он уже делал», – с гордостью вспоминал старший сын. Но запала хватало ненадолго, и Билл снова исчезал. Да и фермерской работой он никогда не занимался, это было ниже его достоинства. Он нанял Хирама Оделла, рабочего с железной дороги, помогать по хозяйству его жене. 8 августа 1845 года Элиза родила двойню. (Билл воспользовался этим, чтобы наладить отношения с

тестем, жившим на другом берегу озера. Видно, он пустил в ход всё своё обаяние, раз Джон Дэвисон ссудил ему тысячу долларов.) Фрэнк родился здоровеньким, а вот его сестра Фрэнсис часто хворала. Местного врача к ней вызывали около семидесяти раз! Но это не помогло – малышка скончалась, не прожив и двух лет. Мать отправила семилетнего Джона собирать камни, чтобы он не видел, как хоронят сестрёнку.

Джон был смышлёным и обладал развитым воображением, потому-то мать и старалась оградить его от лишних переживаний – но не от работы. Она натянула бечёвку, разделив сад пополам, и сказала старшим сыновьям: «Джон, ты будешь заботиться об этой стороне сада, а эта сторона – твоя, Уилл». И они сажали рассаду, пололи грядки. За работу им платили; свои монетки (медные, серебряные, а то и золотые) Джон складывал в синюю фарфоровую баночку на каминной доске. Покупая фунт конфет в лавке, он делил их на небольшие порции и продавал сёстрам и братьям в розницу, получая небольшую прибыль. Но первую крупную торговую операцию он провернул в семь лет: выследил дикую индейку, нашёл её гнездо в лесу, забрал птенцов, выкормил их и продал. Мать поощряла его в этом предприятии: давала створоженное молоко для индюшат. На следующий год Джон вырастил ещё больший индюшачий выводок.

Дети спали на втором этаже, в комнате, согреваемой печной трубой, поднимавшейся из кухни. Зимой, когда снаружи бушевала вьюга, завывая в вершинах сосен, снег набивался в щели. Утром, ещё до зари, детей будили стук топора (во дворе рубили дрова) и скрип полозьев по снегу. Мать звала снизу: «Джон, сынок, пора вставать и доить корову!» В тёмном холодном хлеву Джон, чтобы погреть ноги, становился на то место, с которого только что поднялась корова...

Шёл 1846 год. Началась война с Мексикой из-за прошлогодней аннексии Техаса (в Моравии, вотчине либералов, её осуждали, а конгрессмен Авраам Линкольн называл её бессмысленной и жестокой), и США завладели Калифорнией; Роял Эрл Хаус запатентовал печатающий телеграф, способный передавать 40 слов в минуту; заработала Пенсильванская железная дорога... Но всё это было где-то далеко, точно в другом мире. Семилетний Джон Рокфеллер 30 недель в году посещал школу, построенную его отцом и состоявшую из единственного класса. Если ученики начинали шуметь, учитель заносил над их головами линейку и запросто мог пустить её в ход. Джон не был бузотёром, но не был и блестящим учеником; он словно всё время о чём-то думал. Его малограмотная мать, сама писавшая с ошибками и пренебрегавшая знаками препинания, порола сына за нерадивость берёзовой хворостиной. Однажды, когда она принялась его наказывать за дурное поведение в школе, Джон стал уверять, что на него возводят напраслину, а он ни в чём не виноват. «Не важно, – ответила непреклонная мать, – я уже начала порку и доведу её до конца; это послужит тебе уроком на будущее». Наказывая, она всегда приговаривала: «Я это делаю любя».

Широколицы и лобастые Уильям и Фрэнк пошли в отца, Джон был очень похож на мать: узкое лицо, пронзительный взгляд серо-голубых глаз, острый подбородок. Сходство было не только внешнее: он был так же терпелив и вынослив, никогда не выходил из себя, не повышал голоса, никого не оскорблял и не принимал скоропалительных решений. Мать приучила его к бережливости, трудолюбию и порядку. В чрезвычайных же обстоятельствах Элиза не пугалась и умела найти единственно правильный выход. Однажды ночью, когда в доме не было никого из мужчин, она услышала, как в заднюю дверь лезут воры. Она тотчас распахнула окно и запела какую-то старую негритянскую песню, чтобы непрошенные гости подумали, что в доме есть слуги. Они и в самом деле не решились войти, украли только упряжь из каретного сарая, спустились к озеру, сели в лодку и были таковы.

Билла дети просто обожали. Чей ещё отец сможет перепрыгнуть через забор спиной вперёд, говорить на несколько голосов, не разжимая губ, выиграть на ярмарке медвежонка и обучить его разным трюкам? А ещё у него были способности гипнотизёра – он мог «напустить туману» и на человека, и на зверя. Дома хранились ружья, которые он любовно разбирал,

чистил и смазывал; одно – с оптическим прицелом, хотя у Билла был такой зоркий глаз, что он мог подстрелить жаворонка в небе. Однажды он собрал вокруг себя толпу (уж это-то он умел как никто), установил чучело с глиняной трубкой во рту, отошёл на 200 шагов, выстрелил и попал в трубку, а потом предложил десять долларов любому, кто это повторит, но никто не смог. Когда Билл возвращался из своих странствий, дом сразу наполнялся шумом, смехом, пением, музыкой. Однажды он узнал, что в городскую тюрьму посадили за пьянство скрипача-виртуоза: тот должен был или заплатить 100 долларов, или отсидеть 100 дней за решёткой. Сотни долларов Биллу было жалко, он выждал 35 дней, а потом выкупил музыканта за 65 долларов, забрав взамен его скрипку. Старших сыновей он брал на озеро ловить рыбу. Однажды, когда они сидели в лодке, Уильям пожаловался на жару. «Так остудись!» – воскликнул отец и сбросил малыша в воду. Тот сразу пошёл ко дну; Билл нырнул за ним, вытащил и попытался научить плавать. Надо предвидеть последствия своих слов и уметь позаботиться о себе, сделал вывод Джон. У него с отцом была своя любимая игра: мальчик забирался на высокое кресло и прыгал оттуда, а Билл подхватывал его на руки. Однажды он опустил руки, и Джон грохнулся на пол. «Запомни, сынок: полностью доверять нельзя никому, даже мне».

По воскресеньям ходили в церковь; даже Дьявол Билл не пропускал воскресную службу, знал много гимнов наизусть, а Джону посулил пять долларов, если тот прочтёт Библию от корки до корки. Отец учил его добывать деньги, мать – копить их, а проповедник в церкви – отдавать нуждающимся. Себя Рокфеллеры бедняками не считали: им было во что одеться, и их не мучил голод.

Церковь, приверженцами которой они стали, была баптистской. В мае 1845 года по вопросу о рабстве она раскололась на Южную (включавшую девять штатов) и Северную баптистские конвенции. В представлении баптистов с Севера движение за отмену рабства – аболиционизм – согласовалось с их противостоянием церковной иерархии и в целом с их деятельностью, направленной на очищение общества от греха. Грехом считались курение (Билл однажды здорово отругал Джона и Уильяма, застукав их курящими в амбаре), пьянство, а также изготовление и продажа спиртного, танцы, игра в карты и на бильярде, посещение театров, торговля в воскресенье. Зато любовь к деньгам грешной не была. А Большой Билл любил деньги почти чувственной любовью.

«У него были деньги, целая куча, – вспоминал позже один сосед. – Он держал их в ящике стола. Я видел их – банкноты в один доллар, два, три доллара (тогда такие были), пять, десять, двадцать и пятьдесят, все перевязанные, как дрова, и стянутые шпагатом в пачки, которыми был заполнен ящик». Говорили даже, что у него есть ведро на четыре галлона⁴, наполненное золотыми монетами (но это вряд ли, разве что посыпано сверху). Уезжая куда-нибудь, Билл всегда держал в кармане тысячу долларов: он мог за себя постоять и не боялся возить с собой такие деньги, а эта пачка согревала ему душу.

Когда Джону было восемь или девять лет, отец стал приучать его к делам. Мальчику поручили выбирать и покупать дрова, чтобы поленья были буковые или кленовые, без гнили и сучков, причём надо было упорно торговаться. Все свои расходы полагалось тщательно записывать, ведь система кредита в магазине сохранялась. Возвращаясь из отлучек, Билл сразу платил по долгам: уговор дороже денег, а что написано пером, того не вырубишь топором. Договоры же теперь под его диктовку писал старший сын твёрдым чётким почерком.

Но Дьявол Билл не остепенился. 26 июля 1849 года суд в Обёрне вынес Уильяму Эвери Рокфеллеру обвинительный приговор по делу об изнасиловании Анны Вандербик – молодой красивой девушки, помогавшей Элизе по хозяйству. Однако в документах значилось, что преступление было совершено больше года назад, 1 мая 1848-го, а Билла не арестовали, суд вынес

⁴ Галлон – единица объёма жидкостей и сыпучих продуктов в английской системе мер; американский галлон равен 3,79 литра.

решение в его отсутствие, и прокурор обвинительное заключение не подписал. По Моравии поползли сплетни, одна невероятнее другой. Реальность же была прозаичнее: когда Биллу предъявили обвинения, он попросил тестя внести за него залог. «Я слишком стар, чтобы выкупать кого бы то ни было», – ответил Дэвисон. Билл сообщил, что тогда ему придётся уехать из округа (в те времена наказание за подобные преступления часто сводилось к изгнанию) и Элиза больше никогда не увидит его, а её отец – свои денежки, которые ссудил ему три года назад. Дэвисон сразу явился в суд и подал жалобу на зятя, который хочет сбежать, обманув своих кредиторов; к тому времени на ссуду набежали проценты, и Билл был ему должен уже 1210 долларов 75 центов. Элиза была готова провалиться сквозь землю, когда к ней домой явился шериф с двумя соседями-понятыми и описал всё её движимое имущество, которое теперь поступало в распоряжение Джона Дэвисона. Испуганные дети ничего не понимали, кроме того, что случилось что-то плохое и стыдное, а их дед переписал завещание – передавал долю наследства Элизы в руки распорядителей, чтобы уберечь свои денежки от загребущих лап зятя.

Зять же тем временем снова пропал. Поползли слухи о банде конокрадов «старины Билла». В 1850 году два его закадычных дружка Калед Палмер и Чарлз Тидд, а также некий Бейтс были арестованы за кражу кобылиц. Имя Рокфеллера на суде не называли, но все в Моравии были уверены, что именно он был главарём, просто он слишком умен, чтобы попасться. Весной Дьявол Билл вернулся, забрал семью и перевёз её в Овего, в округе Тайога, поближе к границе с Пенсильванией.

Когда-то здесь жили индейцы-ирокезы, и на их языке «Авага» означает «Там, где долина расширяется». Город расположился в красивой излучине реки Саскуэханны, впадающей в Атлантический океан. Дома здесь выглядели богаче, чем в Моравии; в центре находились внушительное здание суда, библиотека, довольно известная школа, а среди 7200 жителей было много писателей и художников. Более того, в Овего имелась железнодорожная станция! (1 июня 1849 года туда пришла железная дорога «Эри», и всё население высыпало встречать первый поезд под звон колоколов и пушечную пальбу.) Но даже не это больше всего поразило детей: на вокзале они однажды увидели живого француза. С усами! (Большой Билл носил бороду, но сбривал растительность над верхней губой.)

Рокфеллеры опять поселились за городом – на красивом лугу с купами деревьев, глядящимися в тёмное зеркало ручья. Из первого дома они довольно быстро переехали в другой, поменьше, но с прекрасным видом на илистую Саскуэханну на фоне тающих в туманной дымке далёких голубых холмов. У Джона теперь была одна кровать на двоих с Уильямом; зато это был их дом, соседи – милые приветливые люди, никто не показывал на них пальцем и не перешёптывался у них за спиной. И потом, их отца привели сюда дела: полгода назад в Овего разразился большой пожар, уничтоживший 104 дома; теперь стройматериалы нарасхват, и новая лесопилка будет прибыльной. А ещё тут любят докторов и не смотрят на дипломы. Наконец-то папа не будет надолго уезжать из дома!

Как бы не так: отлучки Большого Билла стали ещё более странными и непредсказуемыми. Элиза уже смирилась и терпеливо несла свой крест. Ей как-никак уже 37 лет, наивная рыжеволосая девушка осталась в прошлом. К соседям с визитами приезжала милая, воспитанная, благопристойная дама в платье из чёрного шёлка, похожем на вдовье. Теперь, когда её разряженный супруг соизволял заявиться домой, ему приходилось подчиняться правилам, установленным ею. Не в силах удержать при себе мужа, она твёрдой рукой руководила детьми; никто не смел ослушаться матери, иначе наказания не миновать. Однажды Элиза была больна и лежала в постели, но, узнав, что Джон не сделал то, о чём она его просила, послала его к реке за ивовым прутком. Даже Джон не мог полностью подавить в себе подростковые бунтарские наклонности: чтобы прут поскорее сломался, он сделал на нём несколько насечек карманным ножом. Но старания оказались напрасными: мать послала его за другим прутком, предупредив, чтобы выбирал получше.

Зимой Саскуэханна покрывалась льдом, соблазнительно сверкавшим на солнце; но мать запрещала сыновьям кататься на коньках по реке. Однажды ночью, когда полная луна заглядывала в окна, прогоняя сон, Джон и Уильям ослушались запрета. Наслаждаясь скоротечным счастьем от быстрого движения, общей тайны и щекощущего ощущения собственного непослушания, они вдруг услышали крики: ещё один сорванец, вышедший кататься, провалился под лёд. Братья нашли длинную жердь, подползли к полынье и вытащили паренька из воды. Когда они вернулись домой и всё рассказали матери, та похвалила их за смелость – и устроила хорошую порку.

Каждую зиму местные баптисты прорубали купели во льду, покрывавшем Саскуэханну, и крестили в них исправившихся грешников. По воскресеньям соседи заходили за Элизой с детьми и все вместе шли в церковь. В воскресной школе детей учили прощению; вечером, перед тем как лечь в постель, маленькие Рокфеллеры спрашивали друг друга: «Прощаешь ли ты меня за всё, что я сделал(а) тебе сегодня?» – и, очистив душу от обиды или гнева, спокойно засыпали.

В отсутствие матери за младшими присматривал Джон, в свои 11 лет фактически заменивший им отца. Когда он не ходил в школу, то колол дрова, доил корову, таскал воду из колодца, полол грядки, ходил за покупками. Однажды он три дня копал картошку у местного фермера за 37,5 цента в день. Вскоре после этого к Рокфеллерам зашёл другой сосед в надежде одолжить денег – ему срочно требовались 50 долларов. Джон опустошил свою копилку и выдал ему деньги мелочью, под семь процентов. В конце года сосед вернул долг – 53 доллара 50 центов. Три с половиной доллара за так, не ударив пальцем о палец! Мальчик был поражён. Тогда он и решил, что нельзя всю жизнь работать ради денег – напротив, надо заставить деньги работать на себя. Что-то в нём изменилось в тот день, что именно – трудно сказать, но соседи теперь предпочитали обращаться за помощью к Уильяму: тот сразу брался за работу, засучив рукава, и не задавал лишних вопросов, тогда как Джон пытался мысленно разложить задачу на составные части и найти способ выполнить её с наименьшими затратами. Гуляя однажды с приятелем по берегу Саскуэханны, он сказал: «Когда-нибудь, когда вырасту, я буду стоить сто тысяч долларов».

Америку тогда обуяла «золотая лихорадка»: орды желающих быстро разбогатеть пробирались пешком или в дилижансах через всю страну, морем через Южную Америку и Панамский перешеек в Калифорнию, где в 1848 году нашли золото. Большинство из них ждало разочарование, но редкие истории успеха мгновенно разлетались на тысячи миль и раздували робкую искру надежды в бушующее пламя безумной веры. Люди вновь поклонялись золотому тельцу, низринув идеалы «отцов-основателей».

Большого Билла Калифорния не интересовала. У него была своя «золотая жила» – доверчивые фермеры из Тайоги и в особенности их жёны и дочери, которым он представлялся как «доктор Уильям Левингстон» (слегка переименовав название округа Ливингстон в штате Нью-Йорк, где родился его отец). Высокий (1,83 метра) статный мужчина в летах внушал доверие, тем более что носил хороший костюм и шёлковый цилиндр. А его дети бегали в школу с книжками, которые купил им добросердечный сосед.

В августе 1852 года Джон и Уильям поступили в Академию Овего, основанную в 1827 году и считавшуюся лучшим средним учебным заведением в этой части штата Нью-Йорк. Трёхэтажное кирпичное здание школы, увенчанное высокой башенкой и обнесённое оградой, произвело на сельских детей сильное впечатление. Плата за обучение составляла три доллара за семестр. Большинство из 350 учеников были городскими, и братья Рокфеллеры в их обществе пообтесались, хотя и не могли ещё с ними равняться. Однажды директор пригласил фотографа, чтобы сделать групповой снимок, и Джона с Уильямом отвели в сторонку – очень уж потрёпанной была их одежда. Но они не обиделись, тем более что им выдали дагеротип

с изображением их товарищей – на память. Их главной целью сейчас было слиться с общей массой, ни в коем случае не выделяться из неё.

На пансион денег не было, поэтому каждое утро мальчики проделывали путь в три мили⁵ до школы, мимо красивых внушительных домов с ухоженными лужайками, выстроившихся вдоль Саскуэханны. В тёплую погоду они шли босиком, погружая ноги в прохладную пыль. Если повезёт, можно было часть пути проехать на попутной телеге, лишь бы возчик попался добродушный.

Директор-шотландец, доктор Уильям Смит, каждые две недели задавал ученикам тему для сочинения или выступления, чтобы они учились внятно излагать свои мысли и избавлялись от косноязычия, а по субботам демонстрировал им технические новинки: телеграф, гальванические элементы и прочие вещи, которым суждено было в корне изменить повседневную жизнь. Делать уроки дома, где было тесно и шумно, не получалось, и Элиза отводила мальчиков к соседке, Сьюзен Ла Монте, которой ещё не исполнилось и двадцати, чтобы та присмотрела за ними и помогла справиться с заданием. Непоседы Уильям и Фрэнк пихали и дразнили друг друга, но Джон, выглядевший старше своих лет, занимался усердно и прилежно. Он решил учиться ещё и музыке. Каким-то образом Рокфеллерам удалось раздобыть пианино (атрибут жизни среднего класса), и Джон играл на нём по шесть часов в день, доводя мать до грани нервного срыва.

Уже тогда он держал себя как взрослый, но вовсе не был занудой или педантом; невозмутимое выражение лица только усиливало эффект от его шуток. Однажды во время воскресного пикника, проходя мимо заваленной едой скатерти, вокруг которой уселись юные леди, Джон назидательно сказал: «Помните, девушки: будете есть медленно – съедите больше». Его тянуло к девочкам; он всегда провожал взглядом краснощёкую голубоглазую Фрир, когда та шла в школу мимо дома Сьюзен, но старался держать себя в руках: теперь он был уже большой, многое понимал и больше всего на свете боялся, что о нём станут говорить: «Весь в отца».

Тот, кстати, снова сорвал семью с обжитого места, посадил в поезд и отвёз в Стронгсвилл в штате Огайо, в дюжине миль к юго-западу от Кливленда. Улицы этого городка, основанного поселенцами в конце XVIII века, носили имена первых землевладельцев: Хоу, Дрейка, Уитни... Через усадьбу Алансона Помероя проходила «подземная железная дорога» – тайный путь, по которому беглых рабов из южных штатов переправляли в Канаду. Этим путём воспользовались герои романа «Хижина дяди Тома» – мулаты Элиза, Джордж и их сын Гарри; он начинался с реки Огайо, отделявшей рабовладельческий Кентукки от свободного Огайо. Роман Гарриет Бичер-Стоу был опубликован в 1852 году и не остался незамеченным.

Если раньше каждый новый переезд был ступенькой вверх, то теперь они разом скатились со второго этажа в подвал: вместо собственного дома Билл подселил свою большую семью к родной сестре Саре Энн, бывшей замужем за Уильямом Хамистоном, пообещав платить родственникам за постой 300 долларов в год. Семерым Хамистонам пришлось потесниться, чтобы приютить шестерых Рокфеллеров. И дело было вовсе не в финансовых затруднениях: Дьявол Билл давал деньги займы под большие проценты, имел три или четыре дорогих ружья и богатый гардероб, носил кольца с бриллиантами и золотые часы. Похоже, ему просто требовалось спрятаться. К тому времени он совершенно охладел к строительному бизнесу и прочим занятиям, требовавшим оседлого образа жизни, и окончательно заделался бродячим врачом, который «лечит травами». В первый год в Стронгсвилле семья видела своего главу только три или четыре раза, зато по городу вновь поползли слухи. Один из местных жителей, Джо Уэбстер, как-то поехал по делам в Ричфилд и был поражён, увидев в холле гостиницы, где он поселился, объявление: «Доктор Уильям Э. Р.кфеллер, прославленный специалист по лечению рака. Всего один день! Излечивает все виды рака, если болезнь не зашла слишком далеко». Вскоре прие-

⁵ Британская и американская миля равна 1609,34 метра.

хал в коляске и сам доктор Рокфеллер – в шёлковом цилиндре, чёрном фраке, с тёмно-рыжей бородой. Собравшимся вокруг него зевакам он предлагал пройти полный курс лечения от рака всего за 25 долларов; не имеющие столько денег могли приобрести бутылки со снадобьями подешевле. После этого «выступления» Уэбстер подошёл к Рокфеллеру; тот, ничуть не смутившись, заявил, что в последнее время «докторит» на большой территории вплоть до Айовы, где собирается купить землю. Разумеется, по возвращении домой Уэбстер всем рассказал о неожиданной встрече, и нового соседа теперь иронично именовали «док Рокфеллер».

Через год Элиза с детьми перебралась на небольшую ферму в окрестностях Стронгсвилла – к облегчению для всех. Ещё раньше, осенью, Большой Билл решил, что Джону и Уильяму надо продолжить образование, и отвёз их в Кливленд, в пансион миссис Вудин на Эри-стрит, за который они платили доллар в неделю. После Академии Овего учиться в старой школе на Клинтон-стрит было ещё одним унижением. К счастью, в 1854 году пятнадцатилетний Джон смог поступить в старшую школу, занимавшую скромное одноэтажное здание в тени деревьев, обнесённое белым забором. Эта школа пользовалась хорошей репутацией, и там учились и мальчики, и девочки.

В школе Джон познакомился с сёстрами Люси и Лорой Селестией Спелман и отдавал явное предпочтение второй, которую в семье звали Сетти. Как выяснилось впоследствии, Люси (Лют) была приёмной и на два года старше Лоры, но они были так похожи, что казались родными. Лора родилась 9 сентября 1839 года и провела детство в Акроне, в 56 километрах от Кливленда, где её отец торговал мануфактурой. Они жили небогато, но много внимания уделяли общественной работе: Харви Спелман, потомок пуритан, ратовал за развитие государственного образования и даже был избран в 1849 году в законодательный орган Огайо. А ещё он со своей женой Люси способствовал основанию в Акроне конгрегационалистской церкви и вёл упорную борьбу с пьянством. Кроме того, их дом был «станцией» на «подземной железной дороге»: через него прошло немало рабов, бежавших из Теннесси и Кентукки. На памяти Лоры её мать лишь единственный раз позволила себе нарушить запрет и работала в воскресенье – когда готовила еду для рабов, отправлявшихся в Канаду. В мае 1851 года в Акроне состоялась Конференция по правам женщин, на которой аболиционистка Соджорнер Трут (бывшая рабыня Иза-белла Баумфри) произнесла знаменитую речь «Разве я не женщина?». Несколько дней, пока продолжались заседания, она жила у Спелманов. В том же году Харви Спелман разорился во время банковской паники, и семья переехала в Кливленд. Там дела вроде бы пошли на лад, но призрак неудачи по-прежнему стоял за плечами.

Лора была невысокой, тоненькой, круглолицей, с тёмно-кариыми глазами и каштановыми волосами, которые разделяла прямым пробором и собирала сзади в узел, закрывая уши. Милая девушка обладала твёрдым характером и железной волей, а чувство юмора в ней сочеталось с даром убеждения и глубокой религиозностью. Она никогда не теряла самообладания, не проявляла интереса к пустым развлечениям вроде театра и танцев, зато интересовалась искусством и литературой и по три часа в день упражнялась в игре на пианино. Они с Джоном играли в четыре руки, да и вообще у них сложился неплохой дуэт.

Чтобы перейти в следующий класс, нужно было написать сочинения на четыре темы: «Образование», «Свобода», «Образ святого Патрика» и «Воспоминания о былом». По крайней мере первые две перекликались с актуальными событиями. 30 мая 1854 года конгресс США принял Закон Канзас – Небраска: население новообразованных территорий должно было самостоятельно решить, принять ли там рабовладение или запретить. Ранее, по Миссурийскому компромиссу 1820 года, на территориях западнее реки Миссисипи и севернее 36°30' северной широты рабство было запрещено, поэтому новый закон вызвал в обществе ожесточённые споры (Канзас и Небраска находятся западнее Миссисипи). В сочинении «Свобода» Джон Рокфеллер называл «попранием законов нашей страны и законов Бога нашего, если человек держит своего ближнего в неволе». Жестокие хозяева заставляют своих рабов трудиться под

палящим солнцем Юга. «Как может Америка называть себя свободной при таких условиях?» – возмущался подросток, который уже тогда жертвовал часть своих скудных сбережений благотворительным организациям, помогавшим чернокожим. Что же касается образования, то «в прежние времена, когда к учению допускались только монахи и священники, мир пребывал в застое, и только тогда, когда люди получили образование и начали думать самостоятельно, он двинулся вперёд». Похожие мысли звучат и в речи, подготовленной Сетти для выступления в старшем классе: «Мы не будем подчиняться и покорно позволять помыкать собой какому-либо человеку или партии, мы будем думать своей головой и, когда примем решение, будем всегда придерживаться его». Кроме того, она боролась за равноправие полов: «Дайте женщине образование, откройте перед ней пути в науку, позвольте математике и точному мышлению оказать влияние на её ум, и светским условностям не стоит беспокоиться по поводу того, где “её место”».

Свои сочинения Рокфеллер подписывал «Джон Д.», и это стало его школьным прозвищем. Было и другое – Дьякон. Джон был этим не обижен, а польщён. По воскресеньям миссис Вудин с дочерью Мартой и двумя юными постояльцами отправлялась в баптистскую миссионерскую церковь на Эри-стрит – небольшое белое здание с колокольной и высокими узкими окнами. Джон и Уильям посещали там уроки дьякона Александра Скеда – семидесятилетнего шотландца, цветочника по профессии и поэта в душе, знавшего Библию наизусть. Осенью 1854 года дьякон Скед погрузил Джона в крестильную купель, и тот стал полноправным членом церковной общины. Джон Д. не только присутствовал на службах (вечером в пятницу и дважды по воскресеньям), но и подметал пол в церкви, зажигал и тушил свечи, рассаживал прихожан, пел гимны звучным баритоном, собирал пожертвования и сам преподавал в воскресной школе. Он был довольно привлекательным и, хотя одевался «бедненько, но чистенько», нравился девушкам, видевшим его в церкви. Поскольку основные светские развлечения были запрещены, оставались пикники для прихожан и невинные развлечения типа игры в жмурки. Девушки, позволявшие себя поймать, охотно продолжили бы общение с Джоном и за пределами церкви, но он был с ними любезен и учтив – не более того.

Его замкнутость и молчаливость не помешали ему завести друзей, одним из которых стал Марк Ханна, сын процветающего бакалейщика и биржевого брокера. Верно говорят, что противоположности сходятся. «Марк имел мужественный вид, всегда подвижный, участвовал во всех спортивных состязаниях, а Джон Рокфеллер был сдержанным, прилежным, хотя и всегда приятным в общении, – вспоминал позже Дарвин Джонс, составлявший с ними троицу. – В любой возбуждающей ситуации Джон сохранял спокойствие и всегда улыбался». Некоторые учителя считали это ненормальным и видели в странном для юноши хладнокровии расчётливость и снобизм. А ещё он всех поражал способностями к математике, в особенности к устному счёту – годы ведения домашней бухгалтерии не прошли даром.

Математика в социальном аспекте была одной из тем ожесточённых споров, которые Джон и Уильям вели со своей квартирной хозяйкой и её дочерью. Обе женщины считали, что давать деньги в рост – просто свинство, а Рокфеллеры были с ними не согласны. Кстати, Джон иногда ссужал деньгами под проценты своего отца (возможно, тот сам поощрял сына к этому). К тому времени их отношения стали натянутыми, от бывшего восхищения не осталось и следа. В том же 1854 году Джон Д. явился к директору школы доктору Уайту и попросил помощи: ему надо подыскать временное жильё в Кливленде для своей «вдовой матери» и двух сестёр. Уайт предложил им поселиться у него, чему Джон был несказанно рад.

Однако муж «вдовы» снова возник из ниоткуда и перевёз своё семейство в дом на Перри-стрит, который снял за 200 долларов в год. Но не прошло и года, как они снова переехали – на ферму в десять акров на берегу ручья в Парме, в семи милях южнее Кливленда. Здесь на каждом шагу можно было встретить таверны и другие отнюдь не благочестивые заведения, и у Элизы появилась новая головная боль: как уберечь детей от соблазнов? Сыновья подрас-

тали, далеко ли до греха, особенно имея перед глазами пример отца... Джон что-то слишком часто стал приезжать из Кливленда и подолгу гулять с их служанкой Мелиндой Миллер – хорошенькой селянкой всего на год старше его. Вскоре по городку поползли слухи, что старший сын «дока Рокфеллера» лишил девушку невинности. Примчались Миллеры и подняли страшный шум. Отец забрал Мелинду домой. Добро бы ещё она связалась с кем из приличных, а то – тьфу, голь перекатная! Мелинда вышла замуж... за молодого Джо Уэбстера, сына разоблачителя «дока Рокфеллера». А 12 июня 1855 года 45-летний «доктор Уильям Левингстон» женился в Николсе, штат Нью-Йорк, на двадцатилетней Маргарет Аллен из Онтарио, которая была всего на три года старше его дочери Люси.

Как заработать себе работу

Элиза надеялась, что её старший сын, выучившись, станет баптистским священником. Джон тоже планировал продолжить образование и поступить в колледж, но в мае 1855 года получил письмо от отца: колледж – пустая трата времени и денег. Зачем он нужен? Можно окончить курсы или получить образование заочно, если уж так хочется, и начинать работать. Основному Джон уже научился, теперь надо позаботиться о младших братьях. Даже не догадываясь, что отец теперь живёт на две семьи (которые разделяло озеро Эри), а потому готовит в его лице замену себе, Джон признал его правоту и уплатил 40 долларов за трёхмесячный курс обучения в Коммерческом колледже Э. Г. Фолсома. Это была сеть образовательных заведений, охватывающая семь городов. Кливлендский филиал занимал верхний этаж Роузбилдинг – первого делового центра в городе, располагавшегося на главной площади. Там преподавали бухгалтерский учёт по методу двойной записи, чистописание, основы банковского, биржевого и коммерческого законодательства. Окончив курсы за лето, Джон Д. приступил к поиску работы.

Утром, облачившись в рубашку с высоким воротничком, тёмный деловой костюм и белый галстук, он ровно в восемь выходил из пансиона и начинал обходить кливлендские фирмы строго по списку, который составил сам. Железнодорожные компании, банки, предприятия оптовой торговли – его интересовали только крупные, солидные заведения, а не мелкие лавки или конторы, занимающие две комнаты. Джон исходил вдоль и поперёк оживлённый район Флэтс, где река Кайахога вилась между лесопилками, литейными мастерскими, складами и верфями, а затем впадала в озеро Эри, по которому сновали пароходы и рыбацкие лодки. Заходя в офис очередной фирмы, он просил аудиенции у директора; его направляли к заместителю, и соискатель сразу переходил к делу: «Я разбираюсь в бухгалтерии и хотел бы получить работу». Ему вежливо отказывали, и он шёл дальше. Домой возвращался уже вечером, еле волоча натруженные ноги. И так шесть дней в неделю, шесть недель подряд. Поиски работы превратились для него в работу на полную ставку. В кармане лежало письмо отца, в котором тот предлагал Джону, если он не сможет подыскать себе место, вернуться в деревню, – оно придавало ему сил для продолжения поисков. Лора Спелман, приятно удивлённая его упорством, поддерживала его морально. Она тоже поступила на коммерческие курсы, и ей нравилось, что Джон такой целеустремлённый и амбициозный. Он хороший, честный человек, и если бы ещё обеспечил себе регулярный доход и финансовую независимость, тогда... тогда...

Улицы Кливленда по большей части были немощённые, система канализации отсутствовала, но город бурно развивался, и его население, составлявшее тогда 30 тысяч человек, увеличивалось за счёт эмигрантов из Германии и Англии, а также переселенцев с восточного побережья. Это был крупный транспортный узел с портом и железнодорожным терминалом: сюда свозили уголь из Пенсильвании и Западной Виргинии, железную руду с озера Верхнего, соль из Мичигана, зерно из нескольких штатов. Всё это надо было учитывать и перераспределять, но ни одна фирма не желала нанимать в бухгалтеры шестнадцатилетнего мальчишку.

Дойдя до конца своего списка, Джон начал сначала. В некоторых фирмах он побывал два или три раза. Утром 26 сентября он вновь толкнул дверь конторы «Хьюитт и Татл» на Мервин-стрит (оптовая торговля на комиссионных началах). Его принял младший партнёр Генри Татл, которому требовался помощник бухгалтера. Он попросил соискателя снова зайти после обеда. «Непременно», – пообещал Рокфеллер, неспешной походкой вышел из кабинета, спустился по лестнице, завернул за угол – и помчался по улице вприпрыжку, готовый вопить от радости. Правда, в сердце стучалась тревога: «А что, если я не получу работу?» Еле дождавшись конца обеда, он вернулся в контору и прошёл собеседование у старшего партнёра, Айзека Хьюитта. Хьюитт владел обширной недвижимостью в Кливленде и был основателем Кливленд-

ской железорудной компании – солидный бизнесмен. Посмотрев, какой у мальчика почерк, он заключил: «Мы дадим тебе шанс» – и велел ему тотчас приступить к работе.

Двадцать шестое сентября Джон назвал «Днём работы» (он будет праздновать его каждый год с большим воодушевлением, чем день рождения, потому что именно с этой даты для него началась настоящая жизнь). Вечером первого рабочего дня Рокфеллер зашёл к дьякону Скеду, чтобы поделиться своей радостью. Встреча закончилась странно: когда Джон собрался уходить, Скед сказал, что любит его, но ему всегда больше нравился его брат Уильям. Почему он так сказал?.. Джон был озадачен.

Хьюитт ни словом не упомянул о жалованье. Джон тоже не заикался о нём целых три месяца, хотя купил за десять центов красную книжечку («журнал А») и заносил туда все свои доходы и расходы. Его день начинался на рассвете, в половине седьмого, при тусклом свете масляных ламп. Отрываясь от grossбухов, юный клерк бросал взгляд в окно – на верфи сутились люди, по каналу проплывали баржи – и снова окунался в цифры. Он упивался своей работой, и ему нравилось, что здесь придерживаются системы и всё чётко организовано с применением новейших технических средств, включая телеграф. Обед он приносил с собой, а иногда возвращался на работу и после ужина. Опасаясь, что столь ревностное отношение навлечёт на него неприязнь других сотрудников или, что ещё хуже, какие-нибудь подозрения, он дал себе слово, что 30 дней не будет засиживаться в конторе позже десяти часов вечера.

Рокфеллеру поручили оплату счетов, и он подошёл к делу с небывалым усердием, словно платил из собственного кармана. Он дотошно проверял каждый счёт, выискивая малейшие ошибки, и был поражён, когда босс передал служащему длинный непроверенный счёт от сантехника, коротко велел: «Оплатите», ведь он только что уличил эту фирму в недобросовестности: в другом счёте она завысила стоимость своих услуг на несколько центов! Удивительная беспечность! «Помню, был у нас один капитан, который вечно выставлял рекламации за повреждение груза, и я решил провести расследование, – будет рассказывать Джон Д. много лет спустя. – Я изучил все счета, накладные и прочие документы и выяснил, что этот капитан выставлял совершенно необоснованные претензии. Больше он этого не делал». Кроме того, Рокфеллер объезжал владения Хьюитта и взимал долги с арендаторов. Никто не ожидал, что этот паренёк проявит бульдожью хватку. Его могли улещать, совестить, страшить – он невозмутимо сидел в своих дрожаках, учтивый, бледный, терпеливый, точно сотрудник похоронного бюро, и ждал, пока должник выдохнется и сдастся.

Начав с торговли овощами, фирма «Хьюитт и Татл» сильно расширила номенклатуру товаров, которые бралась реализовать за комиссию, и первой стала привозить железную руду с озера Верхнего. Прежде чем выдать самый простой коносамент, требовалось произвести сложные расчёты издержек на перевозку товара по железной дороге, каналу или озеру, оценить возможные убытки и прочий ущерб – этим и занимался вчерашний школьник.

В последний день 1855 года Хьюитт выдал Рокфеллеру 50 долларов за три месяца работы (чуть больше 50 центов за день), объявив, что испытательный срок он выдержал и теперь будет получать 25 долларов в месяц, то есть 300 долларов в год. Но этот юноша в самом деле был непостижим: вместо радости он испытал чувство вины. Не поддался ли он греху алчности?

«Журнал А» убедил его в обратном. Половина заработка уходила на плату миссис Вудин и прачке. Костюм он купил у старьевщика. Единственная роскошь, которую он себе позволил (верно, в каком-то помутнении разума), – меховые варежки за 2,5 доллара. Скипидар, который использовали для освещения, стоил 88 центов за галлон. Шесть процентов жалованья Рокфеллер отдавал бедным, неграм и сиротам, хотя иногда выходило и больше: зарабатывая доллар в день, он мог пожертвовать целый четвертак, в том числе миссионерским организациям, действовавшим в Китае. В 1855 году ему в руки попала книга «Избранные места из дневника и переписки покойного Амоса Лоуренса». Этот текстильный промышленник пожертвовал 100 тысяч долларов на благотворительность, в том числе на учреждение школ и универ-

ситетов. 100 тысяч! Джон представил эту сумму в виде пачки новеньких хрустящих банкнот. Когда он разбогатеет (а он обязательно разбогатеет!), он тоже будет жертвовать новенькие хрустящие банкноты.

Деньги его завораживали. Однажды босс показал ему банковский билет на четыре тысячи долларов и положил его в сейф. Несколько раз за день Джон открывал сейф, доставал оттуда билет, благоговейно взирая на цифру с тремя нулями, а потом запирали обратно. А в воскресенье дьякон объявил, что задолжал по ипотеке две тысячи и если срочно не собрать деньги, церковь закроют. Расстроенные прихожане потянулись к выходу. В дверях стоял Рокфеллер. Он каждого «брал за пуговицу» и спрашивал, сколько тот сможет пожертвовать, а потом записывал эту сумму в книжечку напротив имени. Он просил, требовал, почти угрожал; сам, конечно, тоже внёс сколько смог. За пару месяцев он собрал эти две тысячи, и церковь была спасена.

Весной 1856 года в Кливленде вновь появился блудный отец, поселился у миссис Вудин вместе с сыновьями и стал подыскивать постоянный дом для своей (первой) семьи. В просторном кирпичном доме 35 по Седар-стрит имелась даже такая роскошь, как туалет и ванная. Элиза с детьми переехала туда из Пармы. Люси уже исполнилось восемнадцать, в ноябре она вышла замуж за Пирсона Дугласа Бриггса (он родился 23 сентября 1832 года в Верноне, штат Нью-Йорк, учился в семинарии в Фултоне, а в 1856 году переехал в Кливленд) и выпорхнула из гнезда. Джон и Уильям съехали от миссис Вудин и воссоединились с семьёй. Вот и славно: Большой Билл объявил Джону Д., что теперь тот должен отдавать квартирную плату ему. А что такого?

В январе Татл ушёл из фирмы, и Рокфеллера повысили до старшего бухгалтера, а по сути возложили на него обязанности партнёра. Однако Татл зарабатывал две тысячи долларов в год, Джону же платили всего пятьсот. При этом его отец, вознамерившийся построить совершенно новый кирпичный дом на Чешир-стрит (это стало бы его прощальным подарком), возложил все заботы на старшего сына. Джон запросил сметы от восьми подрядчиков и выбрал самый дешёвый вариант; он утверждал планы, торговался, платил по счетам, а когда дом был готов, Дьявол Билл снова потребовал отдавать ему квартплату, несмотря на возражения Элизы. Конечно, ни она, ни Джон тогда не знали, что большую часть года Уильям Рокфеллер проводит как «доктор Левингстон» в обществе молодой жены и её родителей. Но оба чувствовали, что надвигается страшная развязка.

В сентябре в Нью-Йорке ждали прибытия корабля «Сентрал Америка», следовавшего с грузом в 14 тонн золота, добытого в Калифорнии, и 420 пассажирами на борту. Но 9-го числа судно затонуло во время урагана. Банки охватила паника. Страховая и трастовая компания Огайо обанкротилась, вызвав эффект домино; на железных дорогах начались массовые увольнения. Рухнули пять тысяч предприятий. Президент Джеймс Бьюкенен считал, что причина кризиса – бумажные деньги и банковские кредиты, побуждающие людей к спекуляциям и игре на бирже. Как обычно бывает в трудные минуты, люди вспомнили о Боге: в обеденное время бизнесмены во многих городах США собирались на молитвы и публично клялись бросить пить и грешить. Фирма Хьюитта балансировала на грани разорения, и её глава занял тысячу долларов... у Большого Билла. Джон предупредил отца, что дела компании плохи; тот ворвался в кабинет Хьюитта и потребовал свои деньги назад.

Надо бы уйти с тонущего корабля, но куда? Да и корабль, может быть, ещё выплывет... Став начальником, Джон Д. пристроил в компанию своего брата Уильяма. Тот оказался не менее ответственным бухгалтером, чем он сам. Как-то Уильям проснулся среди ночи – вспомнил, что сделал ошибку в накладной. Не в силах ждать утра, он побежал в темноте к озеру, на склад, и к отправлению судна все документы были в порядке. Хьюитт предложил Джону Рокфеллеру жалованье в 600 долларов в год; тот запросил 800; босс несколько недель тянул с ответом, потом выставил окончательное предложение – 700. Чтобы заработать больше денег, Джон занялся «мелким гешефтом»: приторговывал мукой, ветчиной и свинойной. В Кливленде-

ских доках его уже знали и почтительно называли «мистер Рокфеллер», хотя он, похоже, ещё ни разу не брился.

Всё решила встреча со старым знакомым, 28-летним англичанином Морисом Кларком, с которым они вместе учились на курсах Фолсома, а теперь оказались соседями. Кларк работал на той же улице, что и Рокфеллер, в фирме «Отис, Броунелл», торговавшей овощами. Они были полными противоположностями. Кларку пришлось бежать из родного Уилтшира, где он работал садовником, потому что он поднял руку на хозяина-тирана и опасался тюрьмы. Он явился в Бостон в чём был, работал дровосеком, возчиком, добрался до Кливленда и в итоге занялся торговлей. Он курил, пил, сквернословил, и благочестивый Рокфеллер ни за что не стал бы с ним связываться, если бы не почувствовал в нём умного и предприимчивого бизнесмена. Кларку же рекомендовали этого святошу как ловкого бухгалтера. Он предложил создать вдвоём собственную компанию, в которую каждый партнёр должен был внести по две тысячи долларов.

За три года работы Джон умудрился скопить 800 долларов, но это даже меньше половины требовавшегося. Где взять остальное? Тысяча, выцарапанная обратно у Хьюитта, верно, жгла Дьяволу Биллу карман. Он сказал сыну, что собирался подарить каждому из своих детей по тысяче долларов, когда им исполнится 21 год. Джону пока только восемнадцать, поэтому он может дать ему эти деньги в долг... под десять процентов (в те времена обычная ставка была шесть процентов). Стойкость сына превосходила наглость отца – Джон согласился. 1 апреля 1858 года он стал полноправным партнёром в фирме с капиталом в четыре тысячи долларов! Отработав первый день на новом месте, он вернулся на Чешир-стрит, в построенный им же дом, упал на колени и просил Господа благословить его новое предприятие.

Первого июня скончался Джон Дэвисон, оставив дочери ежегодную ренту до 1865 года, когда она должна была получить основное наследство. Джон теперь сам себе голова, Уильям тоже пристроен, Элиза как-нибудь проживёт, решил Большой Билл и снова уехал.

В это время Лют и Сетти Спелман тоже начали взрослую жизнь: их родители уехали из Кливленда в Бёрлингтон, а они остались. В 1858 году Джон Д. получил весточку от Лоры: они с сестрой поступили учиться в Орид – христианский колледж для женщин в Ворчестере, штат Массачусетс. Там строгий распорядок дня: подъём в полшестого утра, отбой без четверти десять вечера, но ей это нравится. Она пишет стихи, руководит литературным обществом и издаёт студенческий журнал. В одной из статей она написала, что Америкой правят три элиты: интеллектуальная аристократия в Новой Англии, аристократия денег на среднем побережье Атлантики и аристократия крови на Юге. В этой статье она клеймила нуворишей, в особенности женщин-парвеню, думающих только о нарядах и развлечениях, и призывала прекратить поклоняться «всемогущему доллару». Джон был с этим согласен: поклоняться надо Богу, поскольку умение делать деньги и власть, которые они дают, – Божий дар.

Война и бизнес

Над складом по адресу Ривер-стрит, дом 32, повесили новую вывеску: «Кларк и Рокфеллер». «Мы рекомендуем эту фирму опытных, ответственных и проворных бизнесменов благосклонному вниманию наших читателей», – писала газета «Кливленд лидер». По Великим озёрам сновали суда, гружённые мясом, зерном, рыбой, известью, гипсом, солью, и новая фирма готова была всем этим торговать. Конечно, успех пришёл не по шучьему велению. Всего через два месяца после открытия компании ранние заморозки побили урожай; партнёры, заключившие контракт на поставку большой партии бобов, получили мешанину из попорченных стручков, грязи и мусора. «Кларк и Рокфеллер» торговали только качественным товаром. В свободное время партнёры шли из конторы на склад и собственноручно сортировали бобы. Чтобы финансировать закупки, пришлось снова просить займы у отца...

Наняв бухгалтера и усадив его за счета, Джон колесил по Огайо и Индиане, подыскивая для фирмы новых клиентов. Заходил в какую-нибудь контору, оставлял там свою визитку, сообщая при этом, что не хочет навязываться, однако может сделать выгодное предложение, даёт время на раздумье, а за ответом зайдёт попозже. Он с первого взгляда внушал доверие старикам. Ну или почти с первого. Один клиент просил выдать ему деньги до прибытия товара или оформления накладных, но Рокфеллер отказался нарушить устоявшуюся практику. Клиент разбушевался и ушёл, хлопнув дверью; Джону пришлось признаться Кларку, что он упустил выгодного партнёра. Однако оказалось, что это была проверка, устроенная молодым бизнесменом местным банкиром, чтобы посмотреть, насколько они честны. Заказы теперь поступали со всех сторон, только успевай принимать. К концу года прибыль составила 4400 долларов.

Тем не менее 1 апреля 1859 года вывеску пришлось переделать. Кларк переманил из своей прежней фирмы Джорджа Гарднера, выходца из кливлендской аристократии (впоследствии он станет мэром Кливленда и президентом местного яхт-клуба); тот пришёл, понятное дело, не с пустыми руками. Теперь фирма называлась «Кларк, Гарднер и К⁰»: предполагалось, что такой набор имён привлечёт больше клиентов. Обняв Рокфеллера за плечи, Кларк попросил его не расстраиваться: «Это ненадолго, пройдёт немного лет, и ты обскачешь нас всех». (Ещё бы: именно ему, младшему компаньону, старый банкир Труман Хэнди ссудил целых две тысячи долларов под залог товарных квитанций.) Джон улыбнулся в ответ, но, конечно, ему нанесли душевную рану, которая болела. Разве можно сравнивать, на что пошёл ради фирмы он и что сделал Гарднер? Однако гордыня – смертный грех.

Как-то в погожий субботний денёк Гарднер закончил работу пораньше. Весело насвистывая, он шёл по коридору и заметил в приоткрытую дверь Рокфеллера, корпевшего над своими гроссбухами. Вот чудак. Так ведь и вся жизнь пройдёт мимо.

– Джон! – приветливо окликнул его Гарднер. – Мы тут с друзьями собираемся прошвырнуться под парусом в Пут-ин-Бэй. Поехали с нами, а? Я думаю, тебе было бы неплохо хоть иногда выбираться из конторы и забывать о бизнесе.

К его удивлению, обычно невозмутимый Рокфеллер выскочил из-за стола и закричал на него, брызгая слюной:

– Джордж Гарднер! Вы самый экстравагантный молодой человек, какого я только знаю! О чём вы только думали – вы, человек, который только начинает жить, – покупая в складчину яхту за две тысячи долларов! Вы подорвали свой кредит в банке – ваш и мой!.. Ноги моей не будет на вашей яхте! Я даже видеть её не хочу!

И он вернулся к своим книгам. Но Гарднера было не так легко выбить из колеи.

– Джон, – сказал он перед уходом, – я вижу, что нам с тобой, похоже, никогда не прийти к согласию по некоторым вещам. Мне кажется, ты любишь деньги больше всего на свете, а я нет. Не всё же работать, надо и поразвлечься немного.

От работы, как известно, кони дохнут. У Джона теперь часто болела шея – не повернуть: сказались постоянный стресс и сидячая работа. Тогда он тоже отправлялся развеяться, но по-своему: запрягал в коляску двух быстрых лошадей и гнал их по дороге – рысью, галопом, во весь опор. Или они с братом Уильямом скакали верхом наперегонки. Джон всегда приходил первым – к большой досаде Уильяма, такого же запыхавшегося и потного, как и его конь. Но у Джона был свой секрет: он никогда не бил лошадь, а разговаривал с ней, успокаивал, убеждал, что им нужно победить – вдвоём и друг для друга.

Деньги... Да, он их любит, но добывает честным путём. Когда Бенджамин Франклин был маленьким, отец внушил ему: «Человек, оборотливый в делах, стоит выше королей». Теперь Джон повторял эту фразу мальчикам в воскресной школе. И, видит Бог, деньги он зарабатывает в поте лица своего.

В партию зерна, которую предстояло поставить в Буффало, фирма вложила весь свой капитал. Обычно осторожный Рокфеллер в этот раз предложил не страховать груз и сэкономить хотя бы 150 долларов, Гарднер и Кларк неохотно согласились. В ту же ночь на озере Эри поднялся страшный шторм. Когда Гарднер на следующее утро пришёл в контору, бледный как смерть Рокфеллер мерил шагами комнату. «Давайте купим страховку сейчас, – взмолился он, – успеем, если судно ещё не разбилось». Гарднер побежал за полисом. Когда он вернулся, Рокфеллер размахивал свежей телеграммой: судно благополучно прибыло в Буффало. Раздосадованный тем, что пришлось зря потратить деньги, он ушёл домой совершенно больной.

Время от времени в Кливленде появлялся Рокфеллер-старший, по-свойски заходил в контору, без умолку болтал, сыпал шутками, а потом оставлял там на сохранение деньги или забирал их. Гарднер ломал голову над кучей загадок: как у такого отца уродился такой сын? Чем занимается старина Рокфеллер, душа-человек, если у него случайно оказывается с собой лишняя тысяча долларов, а на следующий месяц срочно требуются деньги? Спрашивать у Джона было бесполезно. Почему он так странно относится к своему отцу? Однажды Гарднер собрался ехать в Филадельфию, чтобы завязать там деловые контакты, и ему пришло в голову, что можно было бы предварительно кое-что разузнать у старины Билла, который везде побывал. Надо бы его повидать. Джордж спросил у Джона, где живёт его отец, и тот ответил, что не помнит. Да ладно, Джон с его феноменальной памятью – и не помнит? Пусть спросит у матери, когда пойдёт домой обедать. Но после обеда Джон Д., покраснев, сказал, что забыл узнать у матери адрес. Гарднер не стал настаивать.

Тем временем сёстры Спелман вернулись в Кливленд, всё лето занимались французским, латынью, брали уроки фортепиано и вокала, а осенью устроились в государственную школу: Сетти учила девочек, а Лют – мальчиков. Им нравилась эта работа, а замужество положило бы ей конец (тогда было такое правило), поэтому Сетти вовсе не горела желанием выйти замуж. Когда она сказала об этом Джону, тот ответил, что и ему бы не хотелось, чтобы она сейчас пошла под венец, однако мысль об этом надо приберечь на будущее.

Восемнадцатого ноября 1859 года газета «Кливленд лидер» сообщила о «нефтяной лихорадке», охватившей север Пенсильвании, где три месяца назад (28 августа) Эдвин Дрейк, бывший служащий Нью-Хейвенской железной дороги, впервые сумел добыть нефть методом бурения, с помощью деревянной вышки. В затерянный в лесах городок Тайтусвилл⁶ на берегу Ойл-крик (Нефтяного ручья), всего десять лет как получивший статус посёлка городского типа и до сих пор промышлявший пиломатериалами (там действовали 17 лесопилок), хлынули желающие быстро разбогатеть. Среди них был и торговец из Кливленда Джордж Хасси, бывший начальник Мориса Кларка. Вернувшись домой, он восторженно рассказывал, какие деньги можно наварить в Тайтусвилле. С одной стороны, профессор Йельского университета Бенджа-

⁶ Его основатель Джонатан Титус (Тайтус) назвал в 1796 году свой хутор Эдинбургом, но через 14 лет новые жители дали посёлку его имя.

мин Силлиман утверждал, что из местной нефти можно изготавливать множество полезных продуктов, в том числе для освещения домов и улиц. С другой – спекулянты вовсю пользовались неграмотностью местного населения; так, один фермер, чья земля оказалась нефтеносной, наотрез отказался от четвертой доли дохода с неё и потребовал восьмую.

Первые поставки сырой нефти в Кливленд начались уже через пару месяцев. Англичанин К. Э. Дин, владелец салотопенного завода, производившего свечи, скипидар и каменно-угольное масло, купил десять баррелей пенсильванской нефти, и его соотечественник Сэмюэл Эндрюс, химик-самоучка и прирождённый изобретатель, сумел добыть из неё керосин. Для «очистки» (то есть перегонки) нефти он использовал серную кислоту, и это был величайший производственный секрет. Желавшие добыть его кливлендские бизнесмены протоптали дорожку к дому Эндрюса, однако тот сам раскрыл его своему земляку Морису Кларку (они оба были родом из Уилтшира). Рокфеллер тоже знал Эндрюса и его жену – по баптистской церкви с Эри-стрит. Эндрюсы жили небогато, оба работали (жена была швей-надомницей). Поразительные свойства керосина, казалось, сулили большую прибыль. Однако Кларк, с которым Эндрюс заговорил об этом, сразу охладил его пыл: они с Джоном едва ли наскребут 250 долларов свободных средств. Весь капитал они сразу пускают в оборот, надо возвращать кредиты банкам, выдавать авансы, платить за страховку и аренду – откуда деньги на новое предприятие? Тогда Эндрюс пошёл к Рокфеллеру, который оказался куда более восприимчивым к его идее (к тому времени Джон уже вложил деньги в акции железнодорожной компании, и мысль о том, чтобы разнообразить бизнес, ничуть не казалась ему нелепой). Когда Кларк, принимавший товар на складе, снова увидел фигуру Эндрюса, он хотел сразу же оборвать ненужный разговор, но тот успел вставить: «Мистер Рокфеллер одобряет». – «Ну, хорошо, – сдался Кларк, – если Джон на это подпишется, то и я тоже». К тому же два его родных брата, Джеймс и Ричард, сделались ярыми «нефтепоклонниками» и давили на него.

Прежде чем на что-то «подписаться», Джон Д. должен был лично убедиться, что игра стоит свеч. Он отправился в Тайтусвилл. Сначала надо было ехать в набитом под завязку поезде (люди сидели даже на крыше), а потом, миль двадцать, в дилижансе. Дорога шла через лес, но пахло не хвоей и прелью, а нефтью. Нефть была везде, пропитывала всё вокруг, словно сочилась из земли. Навстречу дилижансу тянулись с холмов вереницы повозок с крикливыми красными лицами возчиками: бороды венником, шляпы комом. Они заламывали невероятные цены за перевозку бочек с нефтью, которые потом стояли штабелями у железной дороги, дожидаясь очереди на отправку. Бочки часто опрокидывались, разбивались, нефть растекалась, заливая густой чёрной жижей разбитые, изрезанные колеями дороги. Лошади увязали в чавкающей, топкой грязи; их нещадно хлестали толстыми кнутами, они падали, обессилив, и разъединенные нефтью, раздувшиеся чёрные туши с оскаленными зубами валялись тут и там. А на реке Аллегейни, в которую впадал Нефтяной ручей, сталкивались плоты и баржи, и нефтяная плёнка колыбалась на поверхности воды, поблёскивая на солнце перламутровыми разводами. Некогда живописная долина была теперь загажена, с вековыми соснами резко контрастировали грубо сколоченные нефтяные вышки и покосившиеся хижины будущих богачей. Рабочие в высоких сапогах заходили в таверны, оставляя на полу чёрные следы; из окон долетал характерный звук, с каким игральными картами шлёпали по столу с пятнами от виски; пьяные, нетвёрдо ступая, шли по улице в обнимку с продажными женщинами; зато нувориши выставляли напоказ шёлковые цилиндры, бриллиантовые галстучные булавки и золотые цепочки от часов.

Рокфеллер и местный нефтедобытчик Франклин Брид ехали верхом через долину; последние полмили до колодца предстояло пройти пешком. Путь преградила глубокая лужа не меньше двух метров в ширину и полтора в глубину. Работники Брида сливали сюда осадки из нефтяных цистерн; смешавшись с грязью, они загустевали, как смола. Через лужу была пере-

кинута доска шириной в шесть дюймов⁷. Брид привычно перешёл по ней на другую сторону, а Рокфеллер в замешательстве остановился, потом всё же двинулся вперёд – и оступился. Однако гость, похоже, не рассердился. «Ну что ж, Брид, я теперь по уши в нефтяном бизнесе», – сказал он с улыбкой. Вот только события в стране заставили придержать коней.

В мае 1860 года Республиканская партия собралась на конвент в Чикаго и выдвинула своим кандидатом в президенты Авраама Линкольна. Его соперником стал демократ Стивен Дуглас из Иллинойса, два года назад одержавший над ним победу во время выборов в сенат. Дуглас отстаивал принцип «народного суверенитета», то есть право населения решать все важнейшие вопросы, включая вопрос о рабстве. Эта позиция оказалась неприемлемой для одиннадцати рабовладельческих штатов, которые выдвинули своих кандидатов – Джона Брекинриджа и Джона Белла. Линкольн культивировал образ «человека из народа», говорил и одевался просто, не старался всё время быть на виду и делал ставку на молодёжь. А ещё по совету одиннадцатилетней Грейс Беделл он отпустил бороду («Всем женщинам нравятся бакенбарды, – написала ему Грейс, – они будут пилить своих мужей, чтобы голосовали за Вас, и тогда Вы станете президентом»). 6 ноября 1860 года он победил на выборах, став первым президентом-республиканцем. Победу ему принесла поддержка Севера и Запада, десять из пятнадцати южных штатов не подали за него ни одного голоса. Джон Д. Рокфеллер, которому исполнился 21 год, впервые участвовавший в выборах, голосовал за Линкольна.

Новый президент должен был вступить в должность в марте, однако южане пригрозили выйти из Союза штатов, если это произойдёт. К февралю 1861 года Флорида, Миссисипи, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас примкнули к Южной Каролине, приняли собственную конституцию и объявили себя суверенным государством – Конфедеративными штатами Америки. Президент Бьюкенен и избранный президент Линкольн отказались их признать; тогда Конфедерация избрала своим временным президентом Джефферсона Дэвиса. Линкольна планировали убить в Балтиморе, по дороге в Вашингтон, но покушение было предотвращено агентами охранного агентства Алана Пинкертон. Инаугурация состоялась. «Мы не враги, а друзья», – взывал Линкольн к южанам. Но 12 апреля конфедераты открыли огонь по войскам Союза, захватив форт Самтер под Чарлстоном, в Южной Каролине. Через три дня Линкольн призвал все штаты присылать вооружённые отряды для защиты Вашингтона и Союза в целом. Он ещё верил, что Союз существует; но Виргиния, Северная Каролина, Теннесси и Арканзас тоже проголосовали за отделение.

В Кливленде зачитывали на перекрёстках воззвания, приглашая записываться в армию; по вечерам проводили факельные шествия. Муж Люси, Пирсон Бриггс, вступил в роту добровольцев «Кливленд Грэйз», которая занималась поддержанием порядка в городе, а в случае необходимости могла быть послана на фронт (что и произошло дважды за эту войну). «Я хотел пойти в армию и внести свой вклад, – рассказывал позже Джон Д. – Но об этом просто не могло быть и речи. Мы только-только начали своё дело, и если бы я не остался, оно бы остановилось, а от этого столько всего зависело».

Согласно распоряжению правительства мужчины освобождались от военной службы, только если были единственной опорой семьи, являлись несовершеннолетними или родителями малолетних детей. Фактически 21-летний Джон содержал мать, сестру и младшего брата, но формально у него был отец. Тогда он воспользовался другой возможностью: нанял за 300 долларов человека, который пошёл служить вместо него, и потратил ещё 138 долларов 9 центов на оснащение целого взвода. Однажды утром капитан Леви Скофилд, друг Джона, привёл на Ривер-стрит 30 новобранцев и выстроил их перед конторой. Вышел мистер Рокфеллер и выдал каждому десять долларов – новенькую хрустящую бумажку. «Господи, да он богач», – шепнул один паренёк другому. «Да, – ответил тот, – говорят, он стоит десять тысяч долларов!»

⁷ Дюйм – единица измерения длины ($1/12$ фута); английский дюйм равен 2,54 сантиметра.

Уильям тоже не пошёл в армию. Поработав немного у Хьюитта, он перешёл к местному мельнику, а затем стал партнёром в фирме оптовой торговли «Хьюз, Лестер и Рокфеллер» – и всё это за один год. К своему двадцатилетию он уже зарабатывал тысячу долларов в год – больше, чем его старший брат. Нельзя было рисковать таким ценным кадром. Зато заводной и темпераментный Фрэнк, которому было всего шестнадцать, сбежал на войну.

В первый раз его не взяли – мал ещё. Удручённый Фрэнк вернулся домой. Отец, случайно заехавший в Кливленд, поставил ему ультиматум: «Молодой человек, если ты отправишься на войну, то распрощаешься с семьёй – скатертью дорога!» У Фрэнка уже пробивались усы, он рвался в бой и мечтал о военной славе. Он станет героем, а не будет, как старшие братья, вечно возиться с цифрами и дрожать над каждым центом! Однако на снаряжение требовались деньги, и Фрэнк попросил у Джона займы 75 долларов. Тот прочитал ему целую проповедь: «Ты поведёшь себя как дикий, глупый мальчишка, если сбежишь из дома и потратишь впустую годы юности, вместо того чтобы найти своё место в жизни и делать деньги». Нужную сумму Фрэнку ссудил Гард-нер. Когда сержант на призывном пункте спросил Фрэнка: «Сколько?» – имея в виду возраст, он ответил: «Выше восемнадцати». (Чтобы не осквернить свои уста ложью, Фрэнк написал мелом на подошвах своих ботинок цифру 18, и получилось, что он выше восемнадцати.) Его зачислили рядовым в 7-й добровольческий пехотный полк Огайо.

В сентябре два уроженца Кливленда, уехавшие в нефтеносный район, открыли новый колодец «Эмпайр»: нефтяной фонтан бил, как писала газета, «выше колокольни» и давал три тысячи баррелей в день. У владельцев скважины быстро закончились бочки, а к фонтану уже со всех сторон бежали люди с ведрами, флягами, ковшами, черпаками – всем, что можно было наполнить «чёрным золотом»... Цены на нефть резко упали: за баррель теперь давали десять центов вместо десяти долларов, в то время как за доставку каждой бочки к железной дороге возчики по-прежнему требовали три-четыре доллара. Похоже, это всё-таки ненадёжное дело, решили многие.

Бизнес Кларка и Рокфеллера зависел от владения информацией о ситуации на рынке. В контору поступали телеграммы со всех концов страны, сюда же заглядывали знакомые, чтобы узнать последние сводки с фронта. Седьмой добровольческий полк сражался в долине Шенандоа, штат Виргиния. Джон и Морис прикрепили к стене две большие подробные карты и отмечали на них продвижение войск. 25 мая 1862 года состоялось сражение при Винчестере, и южане под командованием Томаса Джонатана Джексона, прозванного Каменной Стеной, одержали победу. 9 июня северяне были разбиты при Порт-Репаблик; федеральная армия отступила, и Джексон ринулся к Ричмонду, на помощь генералу Ли. 9 августа в битве у Кедровой горы Фрэнк Рокфеллер впервые был ранен.

Из-за военных действий река Миссисипи уже не использовалась для торговых перевозок, и Кливленд, связанный с системой Великих озёр и впадающих в них рек, приобрёл ещё большее значение как транспортный узел. Жизнь в городе бурлила, цены росли, и прибыль фирмы «Кларк, Гарднер и К^о» увеличивалась, хотя она и не получала прибыльных правительственных контрактов. Сведя баланс 1862 года, Джон Д. смог проставить в графе «Итого» целых 17 тысяч долларов; склады были заставлены сотнями бочонков с солью, семенами, свининой, а сама фирма занимала уже четыре здания по Ривер-стрит: дома 39, 41, 43 и 45.

Джон теперь был настолько уверен в себе, что начал открыто ухаживать за Лорой. Часто заезжал за ней в школу, чтобы проводить домой. Спелманы жили тогда в очень милом зелёном квартале, утопающем в яблоневых садах. Джон и Уильям не раз приходили туда по выходным – якобы посмотреть на проводившиеся неподалёку учения новобранцев. Они каждый год выплачивали по 300 долларов семьям солдат, ушедших вместо них на войну, а Джон также жертвовал деньги на благотворительность.

К началу декабря 1862 года Рокфеллеру удалось выгнать из фирмы Гарднера. Зато Эндрюс ушёл от Дина, и Джон Д. с Морисом Кларком вложили четыре тысячи долларов в новую

фирму – «Эндрюс, Кларк и К^о», которая должна была заниматься нефтью: не добычей, а переработкой и продажей.

Джон Д. сам выбрал место для нефтеперегонного завода, который называли «Эксельсиор»: в полутора милях от делового центра Кливленда, где вдоль узкого илистого ручья Кингсбери, впадающего в Кайахогу, паслись коровы, оскальзываясь на красной глине, а плакучие ивы брезгливо смотрелись в мутную воду. Кларка удивил этот выбор: за городом, вдали от дорог... Но Джон в очередной раз всё просчитал на два хода вперёд: именно здесь планировалось проложить новую железную дорогу, соединив уже существующие три (это произойдёт 3 ноября 1863 года), и тогда нефть из Пенсильвании можно будет доставлять прямо в Нью-Йорк по железной дороге «Эри». Рокфеллера теперь видели на «Эксельсиоре» с половины седьмого утра: он осматривал бочки, следил за тем, как на них набивают ободья и куда девают опилки. Заметив, что после обработки нефти остаётся довольно большое количество выпаренной серной кислоты, он составил план использования её в качестве удобрения – зачем добру пропадать? Погрузка, буксировка – всё, что могли, делали сами, не обращаясь к сторонним организациям. Торговались до посинения. Однажды агент по закупкам сообщил, что купил партию нефти по цене на порядок ниже рыночной. Получив телеграмму, Рокфеллер вскочил со стула с радостным воплем, заплясал по комнате, подбрасывая вверх шляпу, обнял Кларка – тот даже испугался, уж не сошёл ли компаньон с ума. Перегонка нефти, затеянная как побочное производство, превратилась в самый доходный вид деятельности.

Часто Джон будил ночью Уильяма (они спали в одной комнате). «Слушай, у меня родился такой план. Что ты об этом скажешь?» – «А твои идеи не могут подождать до утра? – сонно отвечал брат. – Я спать хочу». Утром, пока Джон завтракал, являлись Морис Кларк и Сэм Эндрюс. Они были старше Рокфеллера, но как будто не могли сделать ни шагу, не посоветовавшись с ним. Все разговоры вертелись вокруг нефти, и двадцатилетняя Мэри Энн уже не знала, куда деваться: «Меня тошнило от этого, и я каждое утро мысленно просила, чтобы они заговорили о чём-нибудь другом». Зато Сетти охотно выслушивала все проекты Джона. Спелманы переехали в новый дом в центре Кливленда, и когда Джон в испачканных нефтью сапогах заезжал к ним в своей коляске, чтобы пригласить Сетти на прогулку, она вникала во все детали и даже давала ему дельные советы.

Авраам Линкольн тоже плохо спал по ночам, но совсем от других мыслей. Армия северян таяла из-за болезней и дезертирства. Декларация об освобождении рабов, обнародованная 1 января 1863 года, подорвала доверие к администрации, и республиканцы потерпели поражение на промежуточных выборах в конгресс. Все надежды были на нового главнокомандующего – Джозефа Хукера. Проведя тщательную разведку, обеспечив себе численное преимущество и составив грамотный план сражения, 30 апреля он атаковал генерала Ли при Чанселлорсвилле, рассчитывая на эффект внезапности. Однако Ли сумел его разбить в серии ожесточённых сражений. Победу южан омрачила только смерть генерала Джексона: 2 мая он был по ошибке ранен дозором конфедератов, потерял руку, а через восемь дней скончался от пневмонии. Тогда же Фрэнк Рокфеллер получил ранение в голову от разорвавшейся картечной гранаты. Он вернулся домой, полный жалости к себе, проклиная своё невезение и затаив обиду на братьев, которые богатели, пока он проливал свою кровь.

Нефтеперегонные заводы вдоль ручья Кингсбери росли как грибы после дождя. Открыть такой завод стоило всего тысячу долларов – столько же, во сколько обходилось открытие торговой лавки, – а прибыль ожидалась колоссальная. На войне нефти находили самое разное применение: обрабатывали раны солдат, использовали вместо скипидара, который раньше поставляли с Юга, а генерал Улисс Грант в своей палатке писал и читал донесения при свете керосиновой лампы. К тому же страны Европы через Лондон и Париж покупали американский керосин сотнями тысяч бочек. Правда, Роберт Ли, опрокинув Хукера, сумел перенести боевые действия в Пенсильванию, и нефтедобытчикам пришлось защищать свои колодцы с ору-

жием в руках. 1–3 июля 1863 года возле Геттисберга состоялось кровопролитнейшее сражение, обозначившее перелом в войне. Утрата Каменной Стены не прошла бесследно – Ли потерпел поражение. А 4 июля армия южан, осаждённая Грантом в Висксберге, капитулировала, и северяне получили контроль над Миссисипи. Начался «марш на Атланту», в котором участвовал и 7-й добровольческий полк из Огайо – уже без Фрэнка.

В это время Джон Д. вёл свою войну: на фирму пришёл работать брат Мориса, Джеймс Кларк, и они с Рокфеллером сразу невзлюбили друг друга. Джеймс обладал атлетическим телосложением и повадками громилы, а деловую хватку и проницательность подменял хитростью и обманом. Наслушавшись его хвастливых рассказов, Джон стал тщательнее проверять его счета, а тот называл его «интендантом воскресной школы» и святошей. Однажды утром Джеймс ворвался в кабинет Рокфеллера и начал осыпать его бранью. Джон спокойно слушал, положив ноги на стол; ни единый мускул не дрогнул на его лице. «Можешь оторвать мне голову, Джим, – сказал он, дождавшись конца тирады, – но знай: тебе меня не запугать». Морис часто принимал сторону брата и во время деловых разговоров обрывал Рокфеллера фразой: «Что бы ты вообще делал без меня?» Тот проглатывал обиду молча, но это не значит, что он её прощал. Нужно было всё как следует обдумать и предусмотреть. Месть – блюдо, которое нужно подавать холодным.

Джону Д. шёл двадцать пятый год; он превратился в элегантного молодого человека, пользовавшегося определённым влиянием в Кливленде, ходил во фраке, цилиндре и модных полосатых брюках, отпустил пушистые усы, придававшие ему солидности. Высокий, привлекательный мужчина, на которого заглядывались девушки. Но он, по обыкновению, мило улыбался – и только, поскольку свой выбор уже сделал: Лора Спелман. А вокруг неё вдруг начал увиваться другой поклонник! Нужно было действовать. В марте 1864 года Джон пришёл к Лоре и предложил стать его женой – точно таким же тоном, каким предложил бы парт-нёру заключить контракт. Девушка предложение приняла, но требовалось согласие её родителей. Чтобы уверить их в серьёзности своих намерений и в том, что он – «надёжная фирма», Рокфеллер купил невесте кольцо с бриллиантом аж за 118 долларов. Свадьбу назначили через полгода; ученицы со слезами проводили мисс Спелман в новую жизнь.

Уильям, который был моложе Джона на один год, один месяц и одну неделю, обскакал старшего брата – женился уже в мае на двадцатилетней Альмире (Мире) Джеральдине Гудселл из зажиточной кливлендской семьи, перебравшейся из Нью-Йорка. Свадьба состоялась в старинном городке Фэрфилд, штат Коннектикут, – на родине отца невесты Дэвида Джадсона Гудселла. Здесь, похоже, обошлось без долгих ухаживаний. Уильям умел расположить к себе людей (а потому был несравненным агентом по продажам), к тому времени даже нефтеторговцы из Пенсильвании считали его милейшим и обаятельным молодым человеком. Он не был таким рассудочным, как Джон, и больше доверял интуиции, прислушиваясь к своему сердцу.

Вечером 2 сентября 1864 года президент Линкольн получил телеграмму от Уильяма Шермана: «Атланта наша и завоёвана безусловно». А 8 сентября в гостиной дома Спелманов на Гурон-стрит праздновали скромную свадьбу в кругу семьи (Большой Билл не приехал), о которой даже не упомянули в газетах. Обряд совершили два священника: из Плимутской конгрегационалистской церкви и из баптистской церкви с Эри-стрит. Стоимость обручального кольца (15,75 доллара) Джон Д. занёс в свою красную книжечку, в графу «Прочие расходы». С утра он успел побывать в конторе, у бочара и на нефтеперегонном заводе; созвал 26 служащих на лёгкий обед, не сразу объявив им, по какому случаю праздник, а отправляясь на свадьбу, сказал управляющему: «Обращайтесь с ними хорошо, но следите, чтобы они работали».

Свадебное путешествие продлилось ровно месяц, с 8 сентября по 8 октября. Молодожёны отправились к Ниагарскому водопаду, потом провели несколько дней в Монреале и в отеле «Саммит-Хаус» на горе Вашингтон в штате Нью-Гэмпшир. Джон никогда ещё не забирался так далеко от дома. Ему всё было интересно; во время экскурсии к водопадам он засыпал

проводника вопросами, так что тот, отвлекшись, не заметил выбоины на дороге, и пришлось менять колесо. Не зря в нефтеносных районах Пенсильвании Рокфеллера прозвали Губкой: он впитывал в себя информацию. Вернувшись, Джон и Лора сначала поселились у Элизы, а через полгода переехали в двухэтажный кирпичный дом 29 на той же Чешир-стрит, с высокими изящными окнами, но некрасивым крыльцом. Они обзавелись посудой, и Сетти стала вести хозяйство – слуг в доме не было.

За 1864 год цены на нефть выросли с 4 до 12 долларов. Рокфеллер и Эндрюс понимали, что нефтепереработка – дело верное и нужно расширять производство, но для этого требовались деньги, и немалые. «Как, ты занял сто тысяч долларов?!» – в ужасе воскликнул Морис Кларк. Он не мог прийти в себя: этот педант, экономящий на булавках, выверяющий все счета до последнего цента, который скорее удавится, чем потратит лишний доллар на себя, берёт такие огромные кредиты в банках, рискуя всем их капиталом и даже не удосужившись посоветоваться? Да что он о себе возомнил? «А ты – баба и мокрая курица», – подумал Джон Д. О. уже знал, что рано или поздно порвёт и с Кларками, и с оптовой торговлей. Нефтепереработка – вот чем он будет заниматься. Надо мыслить широко, а осознанно рисковать – совсем не то же самое, что швырять деньги на ветер.

В январе 1865 года вдоль ручья Питхоул-крик, впадающего в Аллегейни, медленно двигалась небольшая странная процессия. Впереди шёл человек с раздвоенной веткой лещины, подобной «волшебной лозе» рудоискателей; за ним, стараясь не мешать, топтались несколько человек в высоких сапогах и полушубках. Было тихо, только изредка какая-нибудь птица, вспорхнув с высокой ели, стряхивала с ветки снег. С недавних пор ручей привлёк внимание нефтедобытчиков, потому что из расщелин-колодцев по его берегам поднимался серный газ. Конец ветки качнулся книзу. Есть! Место поместили, начали бурить скважину, и через несколько дней к небу взметнулся чёрный фонтан. Когда Джон Д. Рокфеллер об этом узнал, он сразу понял: Бог посылает ему знак, он на верном пути.

Кларк просто взъярился, когда он принёс ему на подпись ещё один банковский счёт. Морис и Джеймс пригрозили расторгнуть партнёрство с Рокфеллером, но для этого требовалось согласие всех компаньонов, включая Эндрюса. Джон вызвал его на разговор: «Предположим, я поймаю их на слове в следующий раз, когда они пригрозят разрывом. Предположим, я смогу выкупить их дело. Ты со мной?» Эндрюс кивнул, и они пожали друг другу руки. В представлении Рокфеллера это был лучший договор.

Случай перейти от слов к делу подвернулся несколько дней спустя. 1 февраля Джон пригласил компаньонов к себе домой и стал разворачивать перед ними свой план ускоренного расширения нефтеперерабатывающего бизнеса. Джеймс Кларк сразу заявил: пусть он отделяется и делает, что хочет. Рокфеллер попросил, чтобы каждый сказал вслух, что он – за разрыв. Кларки наивно решили, что запугали бухгалтера, но тот отправился напрямик в редакцию «Кливленд лидер» и попросил вставить в утренний выпуск извещение о роспуске компании. Развернув утром газету, Морис Кларк был поражён. «Так ты это всерьёз?» – спросил он Джона. Только сейчас до него дошло, что Рокфеллер успел переманить на свою сторону Эндрюса. Но он не предполагал, что Джон к тому же заручился поддержкой симпатизировавших ему банкиров.

Фирму выставили на аукцион. Кларки явились туда со своим адвокатом, Рокфеллер пришёл один: что тут мудрёного, обычная сделка. Адвокат играл роль аукциониста. Торги начались с 500 долларов; цена очень быстро взлетела до нескольких тысяч, а затем подползла к пятидесяти тысячам – завод, конечно, столько не стоил. Однако Рокфеллер покупал сейчас не завод, а свободу действий. «В итоге она увеличилась до 60 000 долларов, потом, мелкими шажками, – до 70 000, и я уже боялся, что не смогу выкупить бизнес, не наберу денег, чтобы заплатить за него, – вспоминал Джон Д. много лет спустя. – Наконец, та сторона объявила 72 000 долларов. Не колеблясь, я сказал: 72 500. Тогда мистер Кларк сказал: “Я больше не стану повышать, Джон; фирма твоя”. – “Мне выдать вам чек прямо сейчас?” – предложил я. “Нет, –

сказал мистер Кларк. – Я тебе с радостью доверяю; оплатишь, когда сможешь”». Цена была высока: помимо денег, Рокфеллер отдавал свою долю в торговом бизнесе. Однако он получал в своё полное распоряжение самый большой из тридцати нефтеперерабатывающих заводов в Кливленде, перегонявший 500 баррелей сырой нефти в день (вдвое больше, чем предприятия сильнейших конкурентов), и полный запас нефти и тары. 15 февраля «Кливленд лидер» объявила о создании фирмы «Рокфеллер и Эндрюс», а 2 марта – о роспуске компании «Кларк и Рокфеллер». В этот же день у Уильяма родился первенец – Льюис Эдвард Рокфеллер.

В это время военные действия из Южной и Северной Каролины вновь переместились в Виргинию. 1 апреля Роберт Ли, теснимый Улиссом Грантом, оставил Петерсберг, 2-го – Ричмонд, а 9-го числа остатки его армии сдались у Аппоматтокса; однако армия южан под командованием Джозефа Джонстона ещё сражалась. Конфедераты не желали признавать своё поражение; сложился заговор с целью устранить руководящую верхушку: президента, вице-президента и госсекретаря. 14 апреля актёр Джон Уилкс Бут вошёл в президентскую ложу Театра Форда в Вашингтоне во время представления пьесы «Наш американский кузен» и выстрелил в голову Линкольну. Раненого президента перенесли в дом напротив, и на следующее утро он скончался, не приходя в сознание. Одновременно Льюис Пауэлл пытался убить госсекретаря Уильяма Сьюарда, но только ранил: незадолго до покушения Сьюард выпал из кареты и сломал себе челюсть; гипс, наложенный врачом, помешал убийце пробить ножом яремную вену. А вице-президент Эндрю Джонсон даже не догадывался, что опасность была рядом: Джордж Этцеродт, который должен был его убить, слишком много выпил для храбрости, а потом пошёл бродить по улицам.

В стране объявили национальный траур. 27 апреля траурный поезд привёз в Кливленд тело Линкольна, где его выставили на несколько часов для прощания в специальном павильоне; на вокзале гроб встречали печальными песнопениями женщины в белом. За день до этого солдаты, посланные в погоню за Бутом, нашли его и застрелили; его сообщник Дэвид Геролд сдался и вместе с Пауэллом, Этцеродтом и помогавшей им Мэри Сурратт был впоследствии повешен. 10 мая после ареста Джефферсона Дэвиса и членов его правительства Конфедерация прекратила существование; сражение у ранчо Пальмито, выигранное южанами три дня спустя, уже ничего не могло изменить. Гражданская война закончилась, хотя бригадный генерал Стэнд Уэйти, в войсках которого сражались индейцы, капитулировал только 23 июня. Новым президентом США стал демократ Эндрю Джонсон.

К тому времени фирма «Рокфеллер и Эндрюс» уже разместилась на втором этаже кирпичного офисного здания на Супириор-стрит, в нескольких кварталах от Кайахоги. Из окна была видна река с баржами, гружёнными бочками нефтепродуктов, поставляемых заводом.

А в Питхоуле творилось нечто невообразимое. В несколько месяцев на месте четырёх бревенчатых избушек вырос целый город с населением 12 тысяч человек. Здесь появились с полсотни гостиниц, даже театр на сотню человек, с хрустальными канделябрами, третье по величине в Пенсильвании почтовое отделение, своя газета, целых три церкви – и «квартал красных фонарей», не говоря уже про салуны. Сюда провели железную дорогу, и Сэмюэл Ван Сейкель стал протягивать к ней двухдюймовую железную трубу, чтобы подавать нефть сразу к товарным составам. Трубопровод длиной целых шесть миль охраняли вооружённые сторожа; но банды возчиков, рисковавших остаться без работы, каждую ночь выкапывали целые секции проклятой трубы. То же самое происходило, когда Генри Харлей начал строить второй трубопровод, только зло-умышленники ещё и подожгли резервуары с нефтью. Пытаясь с ними совладать, Харлей нанял небольшую армию из агентов Пинкертона.

В газетах это называли «послевоенной эйфорией», полагая, что она рано или поздно уляжется. Однако Уильям Рокфеллер был согласен с Джоном: нефть – это будущее. В сентябре 1865 года он вышел из торговой компании «Хьюз, Дэвис и Рокфеллер» (бывшая «Хьюз, Лестер и Рокфеллер») и присоединился к брату.

Великий Флаглер

«Война принесла дух независимости и предприимчивости, – напишет генерал Грант в мемуарах. – Ныне господствует ощущение, что молодой человек должен порвать со своим старым окружением, чтобы подняться выше». Демобилизованные солдаты, не сняв мундиров, с ранцами и винтовками на плечах, массово устремились на северо-запад Пенсильвании; вчерашние лейтенанты, капитаны, майоры, даже генералы перехватывали друг у друга нефтеносные участки, привнося в новый бизнес военную организацию и воинствующую конкуренцию. Однако им было привычнее убивать и разрушать, чем строить – основательно, на долгую перспективу.

«Нефть, а не хлопок царит теперь в мире коммерции», – писал в 1865 году конгрессмен Джеймс Гарфилд своему бывшему сотруднику. А королём нефтепродуктов стал керосин, вытеснивший скипидар и ворвань, цены на которую увеличились вдвое из-за сокращения добычи китов. В декабре, когда население Питхоула достигло двадцати тысяч человек, Рокфеллер и Эндрюс открыли второй нефтеперерабатывающий завод, назвав его «Стандарт» (Standard): он должен был задавать стандарты всей отрасли. Номинальным главой этого предприятия стал Уильям. Но Джон Д. каждый день совершал обход заводов, представлявших собой россыпь сараюшек на склоне холма, ничего не упускал из виду, вникал во все детали. Управляющим он нанял «педантичного, исполнительного и честного человека» Амброуза Макгрегора, который пользовался его доверием в технических вопросах. До города было довольно далеко, и Рокфеллер с Макгрегором часто обедали на постоялом дворе миссис Джонс; резкий запах нефти от их сапог отбивал аппетит у других клиентов, поэтому их отсаживали на крыльцо. Но ещё чаще обед состоял из сэндвича, завернутого в вощённую бумагу, который Джон утром, уходя на работу, засовывал в карман.

Ни одно дело нельзя пускать на самотёк, а если дело ещё и новое, хозяйский глаз нужен во всём. Взять, к примеру, дубовые бочки, в которые разливали керосин. Бондари брали по два с половиной доллара за штуку, но делали их из сырого дерева, лишь бы побыстрее. Рокфеллер открыл собственное бочарное производство: дубы валили, распиливали прямо в лесу, сушили в древесных сушках, отчего вес дерева снижался, вдвое сокращая расходы на транспортировку; из этих досок делали прочные бочки, обходившиеся менее чем в доллар за штуку, и красили их в фирменный голубой цвет. Помимо керосина, компания «Рокфеллер и Эндрюс» продавала лигроин, парафин и «нефтяное желе» (впоследствии названное вазелином), получаемое по технологии, разработанной в 1859 году английским химиком Робертом Чезбро, – его использовали в медицинских целях и для освещения церквей, потому что, в отличие от парафина, оно горело без копоти. В Нью-Йорке цены скакали вверх и вниз, и чтобы успеть за ними, надо было вертеться: узнав по телеграфу о выгодной конъюнктуре, Джон Д. со всех ног бежал к железной дороге и носился вдоль состава, потирая грузчиков. «Никогда не забуду, каким голодным я был в те дни, – будет он вспоминать много лет спустя. – Меня не было дома ни днём, ни ночью». Если же он всё-таки добирался до дома и засыпал в объятиях Лоры, в любую минуту мог раздаться тревожный звук колокола – пожар! – и надо было снова мчаться на завод.

Пожар – самое страшное, что могло случиться, поэтому в районе Нефтяного ручья на каждом шагу встречались таблички с лаконичным предупреждением: «Куришь – пристрелю». Нефтяные резервуары возле перегонных заводов тогда ещё не вкапывали в землю; огонь, вспыхнувший в одном из них, мгновенно перекидывался на соседний, и вскоре весь берег превращался в бушующее море огня, а мрачные клубы чёрного дыма были видны из города. Все сотрудники превращались в пожарных; лошадей и повозки всегда держали наготове. Школьный приятель Рокфеллера Марк Ханна так и лишился денег, вложенных в нефтеперегонный

завод, который в 1867 году сгорел дотла за одну ночь. Рокфеллер же во время пожара доставал свой карандаш и составлял план по восстановлению завода. После пожара цены на керосин сразу взлетали.

Тогда ещё никто не знал, что делать с побочным продуктом – бензином. На заводах Рокфеллера его сжигали, используя как топливо для перегонки нефти, но многие другие тайком сливали его в реку под покровом темноты, так что все берега насквозь пропитались бензином, а Кайахога стала такой огнеопасной, что мгновенно вспыхивала, стоило какому-нибудь легкомысленному капитану парохода сбросить за борт неостывшие угли.

Ещё большим кошмаром был неотступный страх: вдруг завтра нефтяные фонтаны иссякнут – что тогда? Кроме того, в 1865 году кто-то очень жадный догадался взрывать нефтяные скважины порохом, чтобы добывать больше нефти, и за два послевоенных года цена барреля упала с 12 до 2,40 доллара. Теперь годовая прибыль больше не была стопроцентной – какое разочарование! Уже в 1866 году добыча нефти в Питхоуле замедлилась, и люди начали потихоньку покидать город, особенно после пожаров. (К 1877 году он прекратит существование, будто его и не было, – настоящий город-призрак.) Молясь перед сном, Джон Д. читал сам себе проповеди о преходящести земных богатств, в особенности нефти. Но это не приносило покоя его душе. Тогда он надевал пропахший «чёрным золотом» костюм и отправлялся во Франклин, штат Пенсильвания, где у него была закупочная контора (экономили на посредниках). Там всё было пропитано нефтью: и земля, и воздух, и мечты, и разговоры. Возвращался Рокфеллер повесе-левшим.

Две трети кливлендского керосина шли за океан через Нью-Йорк. Этим тоже нужно было заниматься без посредников, и в 1866 году Джон Д. отправил Уильяма в Нью-Йорк, где тот зарегистрировал фирму «Рокфеллер и К^о». В тот момент французские и немецкие закупщики, сговорившись, прекратили покупать керосин, надеясь, что цены на него понизятся вслед за падением цен на сырую нефть. Одной из задач Уильяма было информировать о резком падении экспортных цен рокфеллеровских закупщиков (в числе которых был Пирсон Бриггс, муж их с Джоном старшей сестры Люси), чтобы те приостанавливали или сокращали покупку сырья.

Уильям продуманно подобрал место для офиса новой компании: Пёрл-стрит, дом 181, неподалёку от Уолл-стрит – улицы финансистов. Его задачей было убедить банкиров, предпочитавших кредитовать железные дороги и правительство, что нефтяной бизнес – не однодневка и не мыльный пузырь. «Поначалу нам приходилось ходить по банкам (практически становясь на колени) за деньгами и кредитами», – вспоминал Джон Д. много позже. Денег требовалось много; бывало, что он долго не мог уснуть, думая о том, как же будет отдавать всё, что занимал, а утром, освежённый кратким сном, уже был готов занимать ещё. Кливлендские банкиры – Труман Хэнди, Уильям Отис и другие – считали его достойным доверия, поскольку он никогда не уклонялся от обсуждения проблем, не подтасовывал цифры и вовремя выплачивал кредиты; к тому же его знали как глубоко религиозного человека, а теперь ещё и отца семейства: 23 августа 1866 года Лора родила дочь Элизабет (Бесси). А вот сынишка Уильяма умер 3-го числа того же месяца. Джон Д. отпустил усы, переходившие в пышные бакенбарды; на его высоком лбу уже появились залысины; выглядел он гораздо старше своих лет и весьма солидно. С банкирами надо уметь разговаривать. Однажды Джон Д. шёл по улице, раздумывая, где взять нужные позарез 15 тысяч долларов, и тут рядом с ним остановилась коляска местного банкира. «А что, господин Рокфеллер, нашли бы вы применение пятидесяти тысячам долларов?» – спросил он. Джон Д. унаследовал актёрские способности от отца. «Н-н-у-у-у, – протянул он, покачиваясь с пятки на носок и заложив руки за спину, – дадите мне сутки на обдумывание?» – и получил кредит на самых выгодных условиях.

Деньги требовались, чтобы скупать нефтеперегонные заводы: Рокфеллер приводил в порядок эти заведения, работавшие порой абы как, и подчинял их введённому им стандарту. Продавали заводы только за наличные: при виде долларов глаза владельцев вспыхивали зелё-

ным огнём, а закладные или векселя в них только тускло отражались. Однажды в полдень Джон Д. получил телеграмму о возможности перекупить завод, но нужны были сотни тысяч долларов, а поезд отходил в три часа. Джон стал объезжать все банки подряд, прося первого же попавшегося ему на глаза сотрудника – кассира или президента – подготовить для него всю наличность, какая есть. Во время второго объезда банков он собрал эти деньги, успел на поезд и заключил сделку.

К концу 1866 года в Кливленде работало полсотни неф-теперегонных заводов (больше было только в Питсбурге). Продукция местных пивоварен отдавала керосином, молоко ски-сало, но это был запах богатства. При грамотной постановке дела из этих активов можно было бы сколотить крупнейшую промышленную компанию в мире – были бы деньги.

Одним из богатейших людей Кливленда считался совсем недавно обосновавшийся там Стивен Харкнесс – 49-летний усач, отец троих детей, слегка неотёсанный (начинал он учеником шорника), сколотивший состояние во время войны благодаря инсайдерской информации. Сенатор от Огайо Джон Шерман вовремя сообщил ему в 1862 году о намерении правительства обложить все пивоварни и винокурни налогом в два доллара с галлона. До июля, когда был введён налог, Харкнесс, владевший винокурненным заводом в Монровилле, штат Огайо, купил на все деньги (сняв их даже с депозита в банке) вина и виски, а потом продал, получив прибыль в 300 тысяч долларов. Два года спустя он обогатился на поставках сырой нефти перерабатывающим заводам, а ещё через два продал винокурню и переехал в Кливленд, где поселился на «улице миллионеров» Евклид-авеню, создал «Евклид авеню нэшнл банк» и стал президентом горнодобывающей компании «Белт». Как к нему подступиться? И тут оказалось, что Генри Флаглер, занявший место Джона Рокфеллера при Морисе Кларке и сидевший за соседним столом в конторе, – сводный брат Стивена Харкнесса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.